

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет юридический
Кафедра Теории и истории государства и права
Направление 40.04.01 - юриспруденция
Магистерская программа теория и история государства и права, история пра-
вовых учений

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой
_____ А.В.Умрихин
« _____ » _____ 2017г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Тема: «Институт соучастия в преступлении в Российском уголовном праве
(X-XV вв.)»

Исполнитель студент группы 521-ОМ	_____	Д. Ю. Душко
	(подпись, дата)	
Руководитель канд. юрид. наук, доцент	_____	Т Б Чердакова
	(подпись, дата)	
Руководитель магистерской программы	_____	А. В. Умрихин
	(подпись, дата)	
Нормоконтроль	_____	О. В. Громова
	(подпись, дата)	
Рецензент	_____	
	(подпись, дата)	

Благовещенск 2017

РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация содержит 73 с., 115 источников.

РУССКАЯ ПРАВДА, СУДЕБНИК 1497 ГОДА, ПСКОВСКАЯ СУД-
НАЯ ГРАМОТА, САКСОНСКОЕ ЗЕРЦАЛО, КАРОЛИНА, ТРАКТАТЕ
БРАКТОНА, ТРАКТАТ ГЛЕНВИЛЯ, ЗАКОН ГЕНРИХА, ПЕРВЫЙ ВЕСТ-
МИНСТЕРСКИЙ СТАТУТ, ПОСОБНИКИ, ПОДЫМЩИК, УМЫЧНИК,
СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВО, ПОДСТРЕКАТЕЛЬ, ИНИЦИАТОР, ПРЕСТУП-
НОЕ СООБЩЕСТВО, СТАНОВЩИКИ, ПРИЕЗДЩИКИ, ПОДВОДЩИКИ,
ПОНОРОВЩИКИ, УКРЫВАТЕЛЬСТВО, ГОЛОВНАЯ ТАТЬБА, НАХОД,
РАЗБОЙ, ФЕЛОНИЯ, АССИЗА.

Целями настоящего исследования является всесторонний анализ ин-
ститута соучастия, его понятие, формы и виды, начиная с древнейших времен
и до XV.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- Исследовать историю становления и развития отечественного за-
конодательства.
- Выявить особенности института соучастия в Древнерусском гос-
ударстве, источниками которого является Русская Правда и Судебник Ивана
III 1497г.
- Провести анализ и сравнить институт соучастия по Русской прав-
де и Судебнику Ивана III
- Изучить институт соучастия в зарубежном уголовном праве.
- Раскрыть конкретно-историческое содержание видов преступле-
ний в соучастии по источникам права рассматриваемого периода.
- Установление исторических основ и генезиса уголовной ответ-
ственности за преступления совершенные группой лиц;
- Выявление главных направленностей в формировании законода-
тельства об уголовной ответственности за групповую преступную деятель-

ность на разных исторических стадиях формирования древнерусского государства;

– Провести сравнительный анализ института соучастия в зарубежном уголовном праве с отечественным институтом соучастия.

Объектом представленного исследования является преступления, совершенные в соучастии Русская Правда и Судебник Ивана III 1497г., которые тесным образом связаны с общественно опасными последствиями.

Предметом исследования являются. Предметом исследования являются нормы права, регулирующие отношения, связанные с совершением преступления, назначением и применением наказания.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1 Понятие и истоки возникновения института соучастия в российском уголовном праве	9
1.1 Институт соучастия по Русской правде	15
1.2 Институт соучастия по Судебнику Ивана III	27
2 Соотношение института соучастия по Русской правде и Судебнику Ивана III	39
3 История института соучастия в зарубежном уголовном праве	44
3.1 Понятие института соучастия в древнегерманском праве по «Саксонскому зеркалу» и «Каролине»	45
3.2 Понятие института соучастия в Английском средневековом праве	47
Заключение	57
Библиографический список	65

ВВЕДЕНИЕ

Процедура законодательного регулирования института соучастия, его форм и видов соучастников, ответственности соучастников в России в X - XV вв. С государственно-правовых институтов Древней Руси начинается история государства и права нашей страны, и от правильного представления о данном периоде зависит точность отображения всей дальнейшей истории. Русская Правда очень хорошо отображает право Древней Руси и его общественный строй.

В диссертационной работе хотелось обратить внимание на разграничение соучастия на формы, определение рубежей становления законодательства о существующих формах соучастия в преступлении. Анализированные источники права, которые регулируют институт соучастия в этом периоде, позволил обнаружить присутствие преемственных связей в регламентации исследуемого вопроса, устанавливающего ответственность за организованные виды соучастия. Если рассматривать исторический опыт во всем своем многообразии применительно к уголовно - правовым институтам, то можно сделать вывод, что отрицание и игнорирование использования достижений уголовно - правовой мысли задерживает ее динамику и улучшение.

Так же, в российской литературе вопросы развития и становления уголовной ответственности за организованные виды соучастия также еще не были подвержены совокупному анализу. Вследствие этого является важным рассмотрение модификаций, которым подвергались правовые нормы, которые устанавливают уголовную ответственность за организованную преступную деятельность в ходе собственного исторического становления, так как нельзя предлагать усовершенствование в действующее уголовное законодательство, не беря во внимание опыт прошлого.

Исследование, анализ и синтез многовекового опыта, а также направленность в уголовно - правовом регулировании на понятие и санкции организованной преступности, в весь период развития и формирования отечествен-

ного права, способствует сокращению погрешностей при разработке нововведений, нацеленных на усовершенствование действующего уголовного законодательства и практики его применения.

Предоставленная тема актуальна в связи с высоким уровнем преступлений, совершаемых в соучастии в современной России, и наша работа дает возможность ознакомиться, как делал первые шаги и создавался институт соучастия. Представлены виды и понятие соучастников. Эта работа является интересной для исследователей и студентов юридических университетов.

Вышесказанное является условием актуальности данной работы, сконцентрированным на поиске совершенствований отечественного уголовного законодательства, касающимся вопроса ответственности за правонарушения, которые осуществляются в составе организованных групп.

Институт совершения правонарушения несколькими лицами в древнерусском уголовном праве появляется и создается понемногу, но не отдельно от аналогичных уголовно-правовых институтов близлежащих зарубежных соседей. Наравне с поэтапным законодательным становлением института соучастия осуществляется увеличение и понимание судебной практики этого юридического явления, формируются методы уголовно-правового реагирования на групповое совершение правонарушений.

При этом абсолютно ясно, что возникновение института соучастия в учинении уголовного правонарушения несколькими лицами, может являться осуществлением древнерусского принципа: «один участник — много участников», что характерно менталитету древнерусского человека. Здесь же вытекают и характерные свойства дифференциации уголовной ответственности, которые выражались в укреплении касательно института соучастия в уголовном праве древнерусского государства. Данное укрепление носило особый характер, и чем больше человек приняло участие, в совершении группового преступления, тем наиболее тяжким являлось правонарушение.

Историко-правовые аспекты становления и развития отечественного законодательства, в том числе предусматривавшего уголовную ответствен-

ность за участие в совместной преступной деятельности отражены в работах Ю.Г. Алексеева, М.Ф. Владимирского - Буданова, И.А. Исаева, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, Ю.П. Титова, О.И. Чистякова и др.

Соучастие как комплексный институт подвергался анализу в исследованиях представителей науки уголовного права Н.Г. Иванова, М.И. Ковалева, Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, и др.

Целями настоящего исследования является всесторонний анализ института соучастия, его понятие и виды, начиная с древнейших времен и до XV.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- Исследовать историю становления и развития отечественного законодательства.
- Выявить особенности института соучастия в Древнерусском государстве, источниками которого является Русская Правда и Судебник Ивана III 1497г.
- Провести анализ и сравнить институт соучастия по Русской правде и Судебнику Ивана III.
- Изучить институт соучастия в зарубежном уголовном праве.
- Раскрыть конкретно-историческое содержание видов преступлений в соучастии по источникам права рассматриваемого периода.
- Установление исторических основ и генезиса уголовной ответственности за преступления совершенные группой лиц.
- Выявление главных направленностей в формировании законодательства об уголовной ответственности за групповую преступную деятельность на разных исторических стадиях формирования древнерусского государства.
- Провести сравнительный анализ института соучастия в зарубежном уголовном праве с отечественным институтом соучастия.

Объектом представленного исследования является преступления, совершенные в соучастии Русская Правда и Судебник Ивана III 1497г., которые

тесным образом связаны с общественно опасными последствиями.

Предметом исследования являются. Предметом исследования являются нормы права, регулирующие отношения, связанные с совершением преступления, назначением и применением наказания.

1 ПОНЯТИЕ И ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Данная тема актуальна в наше время, из истории института соучастия в рамках формирования уголовно - правового законодательства России. В течении многих столетий осуществлялась процедура развития.

История появления института соучастия в Российской Федерации ведет свое существование с периода создания Древней Руси. В период с VI - VIII век на Руси происходило становление феодальных отношений, в обществе зародилось имущественное расслоение.

К VII - IX вв. у древних славян были замечены первые государственные образования, формировалось Древнерусское государство, зарождалось право. О существовании законодательства в Древней Руси свидетельствуют договоры киевских князей с Византией, один из которых датирован в 911г., в ст.7 которого возможно, упоминается о соучастии в совершении преступления («дружине»)¹. Эти договоры являлись первокирпичиком в истории русского законодательства. Они представляли собой длящиеся жизненные обстоятельства, служащие основанием для наступления юридических последствий, древнерусское сообщество к концу IX и началу X века.²

На законодательно - техническом уровне древнерусского государства впервые упоминание об ответственности правонарушителей, которые вместе совершают преступное действие, попадает в Русской Правде, которая создавалась в XI веке. Этот законодательный монумент не выделяет пока же определения соучастия, не выделяет виды соучастников, не делит его на разновидности, в этом примитивном варианте, возможно, проследить первое семя соисполнительства, собственно, что говорит о принципе равной, а временами и расширительной ответственности всех членов правонарушения. Пространная редакция Русской Правды состоит из трех статей, в которых уста-

---

1 Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X—XII вв. С. 8.

2 Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. Изд. 3. М., 1901. С. 51.

навливается повышенная ответственность соисполнителей, в сопоставлении с подобным правонарушением, совершенным одним субъектом. Ст. 41 гласит: «Если кто ворует скот в хлеве или клеть, то если один крал, то выплачивать ему 3 гривны и 30 кун; в случае если же их много крало, то всем платить по 3 гривны и по 30 кун»³. Из содержания нормы видно, собственно, что соисполнители наказываются идентично за совершенное деяние, а в общем счете сумма штрафа увеличивается пропорционально количеству участников преступления.

Н.С. Таганцев отмечал, что «Русская Правда признавала два ключевых положения: а) собственно, что учиненное в полном объеме вменялось каждому из соучастников. б) собственно, что обязанность всех соучастников была схожа, несмотря на характер и роли каждого»⁴.

Отсюда следует что, регламентированная в Русской Правде более строгая или абсолютная ответственность за преступления, совершенные при соисполнительстве, при том, что в документе отсутствует директива на институт соучастия, подчеркивала их огромную социальную угрозу, в данном случае применялся принцип расширенной ответственности соучастников.

Будучи первым внушительным правовым документом РФ, Русская Правда для российских исследователей является интереснейшим нормативно-правовым актом во все периоды становления нашего государства.

А.Н. Трайнин рассуждал, что в этом правовом монументе нет упоминаний о соучастии, ибо все уголовно-правовые факторы лишь только зарождались, в нем есть только лишь определенные распоряжения о родственных соучастии преступлениях⁵.

В то же время, по мнению А.А. Ярвого, создателям Русской Правды было знакомо понятие соучастия, они отдавали себе отчет в установлении персональной ответственности для каждого из соучастников совершения преступления. Косвенное упоминание о данном упоминается в статьях 31, 39

---

3 Российское законодательство X - XX веков. В девяти томах. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 1

4 Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1.

5 Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941.

Русской правды. В дальнейших редакциях развивались положения, устанавливающие обязанность нескольких лиц, несомненно, четко это проявилось в гражданских преступлениях имущественного характера, что служило целям защиты частной собственности. Позже эти положения станут основанием для развития института соучастия⁶.

Главные положения Русской Правды были раскрыты в Псковской судной грамоте 1467 г. Лишь только одна статья представленного документа регулировала вопрос соучастия в преступлении.

Ст. 120 Псковской судной грамоты затрагивает принцип ответственности за групповые правонарушения. «Если несколько человек, 5 или 10 или вообще любое количество, предъявят обвинение в побоях к любому числу ответчиков, к 5 или одному, и докажут выдвинутое обвинение, то штраф за побои присуждается им всем в размере одного рубля, и пеня в пользу князя взыскивается в одном размере (независимо от числа обвиненных ответчиков или истцов)»⁷.

Отсюда из логического содержания нормы права следует, что когда устанавливается ответственность за нанесение побоев, увечий несколькими лицами потерпевшему, то осуществляется некоторое освобождение от жёстких ограничений в наказании соучастников. В отношении и одного виновного, и нескольких виновных лиц предусмотрено одинаковое наказание.

Тогда преступление понималось, в большей степени, как причинения вреда частному лицу, а наказания, как обязательного возмещения этого вреда, привело к тому, все соучастники отвечали так, как если бы каждый из них совершил это преступление в отдельности.

На эту особенность обратил внимание Н.А. Максименко, писавший по этому поводу: «Уголовная ответственность не делится по частям между сообщниками кражи, а падает на каждого из них в полном объеме; каждый из них, сколько бы их ни было, уплачивает такой штраф, какой бы следовал с

---

⁶ Яровой А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями, совершаемыми организованными группами: дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.

⁷ Российское законодательство X - XX веков. В девяти томах / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 3.

него, если бы он один совершил кражу»⁸.

Центр тяжести понятия древнейшего преступления всегда лежал не в отношении к нему преступника, «а в отношении к нему лица претерпевшего»⁹.

Участие нескольких лиц в совершении преступления, на наш взгляд, имело в древнерусском уголовном праве свои особенности.

В исторических памятниках отечественного уголовного законодательства существуют упоминание о лицах, оказывающих помощь в совершении правонарушения - пособниках.

На протяжении многих веков становления и развития древнерусского уголовного права наблюдается пристальное внимание законодателя к правонарушениям, которые совершаются при участии нескольких лиц.

Так к моменту становления древнерусского государства в нормативно - правовых актах того периода осуществляется отграничение преступлений, совершенных в соучастии и в одиночку. Например, ст. 40 Краткой редакции Русской Правды указывала, что если украдут овцу, козу или свинью, притом одну овцу украли 10 (человек), то пусть положат 60 резан штрафа (каждый)¹⁰. Аналогичным было и указание в Пространной редакции Русской Правды. Так, в ст. 41 говорилось: "Если кто крадет скот из хлева или (обкрадет) дом, то платить ему 3 гривны и 30 кун, если крали несколько (воров), то (также) каждому платить по 3 гривны и 30 кун". Идентичная санкция предусматривалась и в ст. 43 указанного источника: "Если обкрадут гумно или (украдут) зерно в яме, то сколько бы (воров) не совершало кражу, каждый из них платит по 3 гривны и по 30 кун"¹¹.

Отсюда следует что, в данный период формирования законодательства вводился и закреплялся принцип одинаковой ответственности всех участвовавших в преступлении лиц. Интересно и то, что соучастники карались за

---

8 Максимейко Н.А. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1. Харьков, 1914. С. 184.

9 . См.: Гальперин С.Д, Очерки первобытного права: исследование. М., 1893. 304 с.

10 Памятники русского права. М., 1952. С. 80.

11 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 48.

совместное осуществление имущественных правонарушений. На это указывал и А. Н. Трайнин: "От редакции к редакции развивались указания, устанавливающие ответственность нескольких лиц, особенно четко это выделялось в имущественных преступлениях, в целях защиты личного имущества, которые позднее будут основанием для становления института соучастия"¹².

Показательно, что в нормах Русской Правды были предприняты попытки регламентации ответственности за пособничество в форме укрывательства, попустительства, недоносительства. Например, в ст. 11 Краткой редакции Русской Правды прослеживается ответственность за укрывательство иностранцами челядина¹³. В ст. 112 закреплялась ответственность в отношении лиц, которые осуществляли помощь беглым холопам "...аже слышав, кто или зная и ведая, оже есть холоп, а даст ему хлеба или укажет ему путь..."¹⁴.

Из этого следует сказать, что различные формы прикосновенности к преступлению уже достаточно широко регламентировались. Схожее мнение было у А. Н. Трайнина, он рассуждал о том, что отсутствие в данном памятнике права деления соучастников на виды, есть свидетельство высокой степени общественной опасности деятельности соучастников, независимо от их роли в совершении правонарушения.

Соучастие было известно давно, оно не нуждалось в закреплении в законе, так как было очевидным¹⁵. На взгляд М. И. Ковалева: "Именно поэтому никому и в голову не пришло специально регламентировать ответственность за совместную деятельность нескольких лиц"¹⁶.

Не стоит также игнорировать и господствующее объективное вменение в совершении преступления в данный период. Как справедливо указывал П. Колосовский: "На Руси большое внимание уделялось не помыслам как про-

---

12 Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М.: Буквица, 2006. С. 23

13 Русская правда (Краткая редакция) //Российское законодательство X-XX веков. М.: Изд-во Наука. 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 47.

14 Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век- 1917 год. М., 1998. С.

15 Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М.: Буквица, 2006. С. 29.

16 Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1960. Ч.1. С. 46.

дукту мыслительной деятельности преступника, а наоборот, действию"¹⁷.

Отсюда следует что, несмотря на то, что в Русской Правде не присутствовало правовых регламентаций о действиях соучастника преступления, в целом, но для развития института соучастия они сыграли важную роль. По справедливому замечанию В. В. Момотова, указанный источник важен не только в связи с первым упоминанием в истории древнерусского уголовного законодательства о соучастии в совершении преступления, но и санкциями применяемыми в этот отрезок времени.

"Санкция, предусмотренная данной статьей (ст. 40 Краткой редакции Русской Правды), отражает процесс формирования именно уголовного права как права публичного, для которого сфера социального интереса стоит уже на первом месте"¹⁸.

В ст. 38 Краткой редакции Русской Правды отражается также тенденция к закреплению принципа неотвратимости публичного наказания за совершение тяжких преступлений, который потеснил более древний институт самозащиты и самосуда¹⁹.

Причинами, оказывающими поддержку развитию института соучастия в истории древнерусского уголовного права, являлись усовершенствования форм и видов соучастия по отдельным нормативно - правовым актам X-XV века.

Создание института соучастия на Руси приходится на конец XV в. и сопряжен с утверждением Судебника Ивана III 1497 года. Судебник являлся первым систематизированным правовым документом, так же как и предшествующие источники не раскрывал понятие соучастия, его форм и видов. Тем не менее, ст. 9 регулировала ответственность лица (подымщика)²⁰, который своими действиями поднимал, возбуждал население или его часть против существующего порядка. Ст. 19 рассматривала снятие ответственности бояр

---

17 Колосовский П. Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья: Опыт исследования по русскому праву. М., 1857. С. 77; Цит. по Момотов В.В. Формирование русского средневекового права IX - XIV вв. М., 2003. С. 328.

18 Момотов В.В. Указ. соч. С. 331.

19 Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 89.

20 Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век - 1917 год. М., 1998. С. 40.

и дьяков за соучастие в неправомерном обвинении.

1.1 Институт соучастия по Русской правде

Русская Правда это несколько сборников, которые были созданы частными лицами из княжеских уставов, обычного права и частью — византийских источников права.

Русская Правда доходит до нас в большом обилии рукописей (в летописях и кормчих). Самой древней из них это "синодальная", которая принадлежит к XIII веку. В данных перечнях Русской правды порядок, количество и название статей по большей своей части разнообразны. Но в целом, получается, выделить три редакции: пространную и краткую. В первой освещены уставы Ярослава и его сыновей. Во второй — Русская Правда, которая сложилась на момент XII и XIII века из уставов перечисленных князей и следующих дополнений. Отсюда следует, что в структуре Русской Правды различают три сборника: Правду Ярослава, Правду Ярославичей и Правду пространную.

Многие современные исследователи начинают говорить о развитии института соучастия со ст. 31 Краткой редакции Русской Правды, в которой говорится: «А иже крадетъ любо кон(ь), любо волы, или клетъ, да аще будетъ един крал, то гривну и тридесят резан платитъ ему или их будетъ 18, то по три гривне и по 30 резан платитъ мужеву»²¹.

Весьма верно отмечает Л.М. Прокументов: "каких-либо значительных свойств этого института Русская Правда никак не демонстрирует.²² Тем более, впервые упомянутое совершение правонарушения несколькими лицами никак не выявляет понятия соучастия, что также является абсолютно свойственным для уровня законодательной техники древнерусского периода. Тем не менее, как объективно отмечают немногие исследователи, это «никак не уменьшает того факта, что эти пункты Русской правды представлялись первоначальным и существенным шагом в формировании института соуча-

---

21 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 48.

22 Прокументов Л.М. Криминалогия (Общая часть). Томск: Томский филиал ФСИН России, 2007. С 47.

стия».²³.

Комментируя статью тридцать первую Краткой редакции, ТБ. Новицкая указывает несоответствие в указании размеров штрафа. По мнению ученой санкция в виде штрафа за совершение правонарушения одним лицом наказывается в одну гривну и тридцать резан, является ошибкой. И на самом деле он должен быть равен трем гривнам и тридцати резанам²⁴.

Также, Т.Е. Новицкая согласна с точками зрения А.А. Зимины и Г.Е. Кочина, которые полагают, что текст статьи испорчен вследствие «ошибки-переписчика»²⁵. И естественным, основанием для таких предположений служит тот факт, что в статье сорок первой Пространной редакции Русской Правды присутствует соответствующая норма, которая предполагает одинаковый штраф в три гривны и тридцать кун как для лица, совершившего преступное деяние в одиночку, так и для всех тех, кто осуществлял правонарушение в соучастии²⁶. А небрежность последующих переписчиков и редакторов в действительности считалась одной из главных причин искривления текста древнерусского источника права.

Если все-таки считать, что в испорченном месте текста статьи не было цифры «три», и штраф за совершение преступления одним лицом был равен одной гривне и тридцати резанам, то из этого следует, что наказание за групповое правонарушение практически в три раза больше.

Диспозиция статьи вполне, ясно, состоит из двух частей. В части первой главным составом было взыскание в одну гривну и тридцать резан за осуществление правонарушения одним лицом. Вторая часть статьи, представлялась более квалифицированной, которая предполагала увеличенную уголовную ответственность соисполнителей правонарушения в равной степени ко всем по три гривны и тридцать резан.

---

23 Кушнир Д.Н. Развитие института соучастия в виде пособничества в России: от «Русской правды» до современного Уголовного кодекса // Вестник Владимирского юридического института. 2011. М] (18). С 211

24 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 61; Правда Русская: учеб. пособие / под ред. Б.Д. Греков. М., 1940. С. 52.

25 Памятники русскою права. Вып. 1. С. 100-101.

26 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 67.

Подтверждением этой равной ответственности, на наш взгляд, служат положения ст. 40 все той же Краткой редакции, где законодатель весьма точно подчеркивает характер общественной опасности группового правонарушения не количеством и качеством похищенного (то есть характеристикой предмета посягательства), а количеством лиц, которые участвуют в совершении правонарушения.

В статье сороковой говорится: «...а их будеть 10 одну овцу украде...»²⁷. Данную фразу А.А. Зимин переводит следующим образом «притом одну овцу украли 10 человек»²⁸.

Весьма интересное предположение о взаимосвязи цифры в десять человек, которые участвуют в преступлении и размере штрафа, высказывает А.С. Орешников. Штраф в три гривны и тридцать резан, действительно является несколько странным при существующей устойчивой вире в три гривны и, возможно, относится к особой системе штрафов, назначаемых за преступления, совершенные в соучастии. Однако если умножить три гривны и тридцать резан на количество в десять человек, получится тридцать шесть резан. По мнению исследователя, десять человек, таким образом, это не реальный казус, вошедший в законодательство в виде судебного прецедента, а условное указание на предельную сумму штрафа, который, по сути, не мог превышать сорока гривен.²⁹

Указание на точное количество лиц, участвовавших в совершении правонарушения, по г. мнению И. И Ланге, является своеобразным приемом древнерусского законодателя, которому еще не известны логические приемы обобщения³⁰.

Равность в назначении наказания, по мысли М.Ф. Владимирского-Буданова, говорит о том, что древнерусский законодатель уже не смотрит на преступление, как на вред, причиненный только частному лицу. В противном

---

27 Российское Законодательство X-XX вв. Т. 1. С. 48.

28 Памятники Русского Права. Вып. 1. С. 81.

29 Орешников А.С. К Истории текста Русской Правды // Восточная Европа в древности и средневековье: сборник статей. М., 1978. С. 154-155.

30 Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1864. С. 22.

случае для удовлетворения этого частного лица размер штрафа должен был осуществляться в равной степени на всех соучастников. Именно поэтому такой штраф уже носит уголовный характер, независимый от частного вознаграждения³¹.

И действительно, если внимательно рассмотреть тот самый «противный случай», о котором упоминает исследователь, то получится, что деление штрафа в равной степени между всеми участниками приведет с неизбежностью к уменьшению штрафа на каждого из них, в зависимости от увеличения общего количества участников преступления, а значит и к ослаблению индивидуальной уголовной ответственности, выраженной материально. Однако мы полагаем, что и оценку потерпевшим посягательства в этот период времени со счетов сбрасывать еще рано.

Пространная редакция Русской Правды в статьях с 41 по 43 продолжает формирование института совершения преступления несколькими лицами («будет ли их много», «то колико их будет крало»)³². И здесь уже более чем очевидно использование обобщения. Таким образом, и в более поздний период продолжает прослеживаться традиция абсолютно равной ответственности всех соучастников преступления, независимо от их вида и степени участия в совершении преступления³³. Согласно точке зрения А. Богдановского, это вполне естественно для древнего права, которое наказывает всех в равной степени, «не обращая никакого внимания на то, как кто совершил этот вред и насколько он хотел этого»³⁴. Среди видов соучастников уже достаточной степени выделяются не только исполнители, но и подстрекатели.³⁵

А.С. Орешников отмечает, что статьи, в которых упоминается о групповых преступлениях на имущество, могут быть вполне объединены в едином нормативно-правовом акте с характерным и неповторимым подходом

---

31 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов -на -Дону. 1995. С. 314.

32 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 67.

33 Леонтович Ф. Древнее хорватско-далматское законодательство // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса. 1868. Том 1. Вып. 3 и 4. С. 27.

34 Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 27.

35 Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С.483.

кодификаторов. В данных статьях, по мнению исследователя, весьма точно применяется принцип противопоставления индивидуальных и групповых правонарушений против имущества.

М.Ф. Владимирский - Буданов предполагает, что Русская Правда уже знает такую форму соучастия, как преступное сообщество, поэтому и наказывает всех и каждого правонарушителя, входящего в него, в одинаковой мере, а кроме того пособничество и институт прикосновенности.³⁶

А.П. Чебышев-Дмитриев полагает, что из всех видов «преступного сообщества» Русская Правда знает лишь соучастников и укрывателей. А вот покупка краденой вещи, по мнению ученого, стоит на рубеже между преступлением и гражданским правонарушением.³⁷

Определение места в структурной классификации видов соучастников такой фигуры, как инициатор преступления («зачинщик» - по терминологии дореволюционного права и законодательства). Буквально «инициатор» означает «тот, кто действует, проявляя инициативу в чем-нибудь», лицо, которое предлагает осуществить правонарушение.

По мнению исследователей Н.В. Артеменко и А.М. Миньковой его роль на этом не останавливается, так как он сам принимает участие в организации, подготовке, а может быть, и в исполнении объективной стороны конкретного преступления; они подчеркивают неопределенность содержания понятия «инициатор», против выделения инициатора в качестве самостоятельного вида соучастника. Иницирующая роль, как качество соучастника, наряду с объемом совершенных им конкретных противоправных действий позволяет оценить степень его участия в совершении преступления.³⁸

Виновность преступного деятеля может значительно изменяться, если в одном и том же деянии проявилась совокупность воли нескольких деятелей: или один из них может подчинить себе волю других (главное виновничество,

---

36 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов -на-Дону. 1995. С. 314.

37 Чебышев-Дмитриев А.П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань: тип. Казанского ун-та. 1862. С. 79.

38 Артеменко Н.В., Минькова А.М. Проблемы уголовноправовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве РФ // Журнал российского права. 2004. № 11.

подстрекательство и приказание совершить преступление лицом, имеющим влияние или власть); или все деятели совершают преступление по взаимному уговору — с равным участием воли каждого. В первом случае главный виновник несет большую ответственность, во втором — все равную.

Русская Правда знает только преступное сообщество и карает каждого преступника в равной мере: «если 10 человек украли одну овцу, то каждый платит по 60 резан продажи». Правда пространная изъясняет точнее: за кражу скота из хлева или клетки, если один крал, платит 3 гривны и 30 кун, а если их (воров) было много, то всем платить по 3 гривны по 30 кун (тоже ст. 39). Таким образом, за преступление, совершенное сообществом, каждый участник карается так, как бы он один совершил его.

Если бы Русская Правда держалась частного взгляда на преступление, как на вред, нанесенный частному лицу, то она должна была бы назначить доленое вознаграждение со всех участников преступления; сверх того, штраф, здесь положенный законом, есть уголовный штраф, независимый от частного вознаграждения. С другой стороны, Русская Правда и не возвышает уголовной ответственности при сообществе, это не опровергается испорченной статьей 2-й Русской Правды, по которой, если один крал, то платит гривну и 30 резан, а если было 18 воров, то — по 3 гривны и по 30 резан каждый.

Здесь цифры в тексте, очевидно, испорчены (вместо 18 надо читать 10, а вместо 30 резан — 3 гривны и 30 резан). За кражу Русская Правда назначает уплату продажи в пользу князя и урок в пользу пострадавшего. Но если в краже пойманы холопы («их же князь продажею не казнить, занежи суть не свободни»), то пострадавший получает вознаграждение за причиненные ему убытки («урок»).

Холопы не подвергались наказаниям, так как были несвободны и не являлись субъектами преступления. Хозяином уплачивалось только вознаграждение пострадавшему. Вместо уплаты вознаграждения хозяин мог выдать виновного холопа пострадавшему. Если в краже участвовало несколько хо-

лопов, то хозяин обязан был или всех выдать, или уплатить урок; если же вместе с холопом участвовали в краже свободные люди, то последние «князю в продажи», то есть платят продажу, подвергаются наказанию, так как они - субъекты преступления.

Как преступное сознание, так и злая воля могут иметь различные степени, которые знает Русская Правда, и которые будут указаны при анализе отдельных видов преступлений личных и имущественных.

В отличие от Русской Правды Псковская Судная грамота различает простую и квалифицированную кражи, где к последней относились татьба, конокрадство, а также кража, совершенная в третий раз. В ст. 8 дается определение рецидива, которое обозначается как троекратное совершение преступного деяния: «Что бы и на посад(е) но крадется ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи)в, живота ему не дати, крам кромьскому татю»³⁹. Мерами ответственности за совершение преступления была смертная казнь: «А крим(с)кому татю и коневому ... живота не дати»⁴⁰

Так же, в Правде Ярославичей присутствует статья о краже холопа (обувде холопа) в которой устанавливается пеня за сокрытие холопа варягом или колбягом в размере «3 гривне за обиду». В данной статье за сокрытие холопа платится 12 гривен, стоимость холопа, ранее установленная, -5 гривен, то есть за сокрытие холопа назначается наказание в 2,5 раза большее, чем стоимость холопа⁴¹. Данная статья регламентирует укрывательство как форму соучастия в преступлении.

Нам представляется, что штраф, устанавливаемый за кражу холопа, более высокий по сравнению с убийством холопа в связи с тем, что он являлся предметом частной собственности, принадлежащей феодалу. С другой стороны, убийство также предполагало нарушение права собственности, то есть в обоих случаях происходила утрата права собственности.

---

39 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 332.

40 Там же С. 332.

41 Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М., 1941. С. 63-67.

К простой краже относилась кража, совершенная в первый и второй раз, за исключением татьбы из Крома и конокрадства, и наказывалась продажей и вознаграждением в пользу потерпевшего: «...ож клеть покрадут за зомком или сани под полстью или воз под титягою или лодью под полубы, или въ яме или скота украдают или сено сверху стога имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег, а разбой, наход, грабеж 70 гривен, а княжая продажа 19 денег, да 4 деньги князю и посаднику»⁴²

И отсюда можно проследить такой вид преступления как «наход», сущность которого трактуется учеными различно, но наказание, за которое устанавливалось как за разбой и грабеж. Одними «наход» трактовался как разбой, совершенный шайкой, другие - самовольное нападение на недвижимую собственность из-за личных счетов, сопровождающееся грабежом, но где грабеж не является целью правонарушения⁴³.

Понятие грабежа, как, впрочем, и мошенничества, вымогательства и некоторых иных преступлений против собственности, имеющих место в современной юридической науке и уголовном законодательстве, не содержалось ещё в Русской Правде. Однако грабеж, по мнению М.Ф. Владимирского - Буданова, «хотя и не выделяется в специальный вид преступления, но, несомненно, наказывается наравне с татьбою и под именем татьбы»⁴⁴.

Первоначально из понятия «татьба» выделился разбой - ст. 20 Русской Правды - «а иже убьют огнищанина в разбой». В ст. 7 Пространной Правды, также предусмотрена ответственность за разбой: - «...будеть ли стал на разбой без всякая свады». Древнерусское право, как и современное, показывает специфику разбоя - это двух объектное преступление, которое посягает, с одной стороны, на имущество человека и, с другой стороны, на его здоровье. Именно поэтому данное преступление является наиболее тяжким из всех видов имущественных преступлений, и за него назначается самое строгое наказание - поток и разграбление.

---

42 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 332

43 Исаев М.М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII-XV вв. М., 1948. С. 137.

44 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 319.

Под разбоем понималось, как правило, такое убийство, которое совершается тайно, без всякой предшествовавшей обиды или ссоры, где преступник руководствуется какими-либо скрытыми, неблагородными, низкими целями, как, например, отнятие и присвоение чужой собственности. Поскольку от этих действий исходит большая опасность и для личности и для собственности, древний закон делает его неоплатным делом: не облагает его ни пеней, ни денежным выкупом, а передает преступника потоку и разграблению, т.е. совершенному уничтожению его и личности и имущества.

Совершение преступлений в соучастии, направленных против личности, упоминавшихся в Русской Правде, трудно отграничить по субъективному моменту, поскольку общепризнанная точка зрения, по которой преступление, совершенное на пиру, является непредумышленным, а убийство, совершенное в разбое, - умышленным.

Данное мнение достаточно спорно, так как преступление, совершенное на пиру, также может являться умышленным, поскольку человек заранее мог задумать совершение преступления во время пира. Здесь мы видим оценку преступления исходя из внешних факторов, в частности смягчения наказания в силу того, что убийство совершается на пиру, в состоянии алкогольного опьянения. Наличия интереса к тому, желало или не желало лицо совершения преступления, в тексте Русской Правды не обнаруживается, то есть, по всей вероятности, внимания на это не обращалось.

Рассматривая вопрос о субъективной стороне правонарушения по Русской Правде, необходимо отметить, что уже Краткая Правда различала «деяния по участию в них злой воли преступника»⁴⁵.

Деяние будет считаться преступным, отмечал В.И. Сергеевич, когда в нем «проявилась злая воля человека, направленная к достижению преступной цели». Для признания человека виновным должны наличествовать два элемента: способность человека понимать совершаемое им действие и его спо-

---

45 См., напр.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 484.

способность к произвольным действиям⁴⁶.

Русская Правда различает деяния по форме вины. Она предусматривает преступления умышленные, совершенные преднамеренно, с определенной целью и неосторожные, в частности убийства, в разбое - умышленное, на пиру - неосторожное.

В Пространной Правде говорится об убийстве «в разбое». Именно там противопоставляется убийство «в сваде или в пиру явлено» и убийство «на разбои без всякая свады»⁴⁷.

По мнению СВ. Юшкова, при рассмотрении Пространной Правды и этих двух видов убийств учитывается низменный характер убийства в разбое⁴⁸.

По Русской Правде убийство, совершенное «на пиру», рассматривается как менее опасное преступление по сравнению с убийством, совершенным «в разбое». Убийство на пиру рассматривается как правонарушение, совершаемое по неосторожности, поскольку оно совершалось под влиянием алкоголя и заранее человек не имел своей целью лишение жизни другого лица. Состояние опьянения или раздражения смягчало меру наказания.

В Русской правде представляется статья в которой, наряду с соучастием, речь идет и об институте прикосновенности к преступлению, выразившемуся в форме укрывательства. Кроме того, институт укрывательства, по мнению, например, Н.Я. Фроянова, вообще появляется в Древнейшей Правде, где речь идет об определении совершенно специфического разряда укрывателей — варягов и колбягов⁴⁹.

Вполне уместно, на наш взгляд, сказать и о появлении некоторых общих контуров института соучастия в церковно - уголовном праве. Так, статья вторая Краткой редакции Устава князя Ярослава о церковных судах предполагает, что соучастникам похищения женщины («умычникам») необходимо

---

46 См., напр.: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 348.

47 См., напр.: Юшков СВ. Общественно-политический строй и право Киевского государства. - С. 484.

48 Там же. С. 485.

49 Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 140.

заплатить штраф епископу в размере одной гривны серебра»⁵⁰. Кроме того, умычки обязаны были ответить и перед князем, который мог их казнить.

Оставляя в стороне особенности княжеско-епископской совместной юрисдикции, мы хотели бы отметить, что штраф самого исполнителя похищения в отношении потерпевшей, в зависимости от ее происхождения, а также епископу был несравнимо большим. «Похищение «девки», — пишет И.Я. Фроянов, — бывало, как правило, компанейским предприятием, в котором участвовали товарищи похитителя, именуемые в уставе «умычниками»⁵¹ В.И. Сергеевич делает существенное уточнение о том, что умычки не являлись главными виновниками, а были только лишь «суть пособники»⁵². Хотя необходимо «уточнить, что с точки зрения современного уголовного права такие действия будут признаваться со исполнением».

А вот статья вторая Пространной редакции Устава князя Ярослава, при примерно том же содержании, предполагает выплату «умычниками» митрополиту по шестьдесят неопределенных денежных единиц, что дало основание исследователям предполагать, что этими единицами могли являться и куны, и резаны, и, возможно, даже гривны, как части рубля, упоминаемого в Уставе⁵³. Определенную ясность в размеры штрафов, которые в разных списках и редакциях Устава князя Ярослава выражаются в разных денежных единицах.

Согласно точке зрения исследователя, в тех списках, где рядом с цифрой шестьдесят нет никаких иных слов, обозначающих действующую единицу, под ней нужно понимать именно резан. И такая ставка в шестьдесят резан, современна Краткой редакции Русском Правды⁵⁴. Там же, где штрафная ставка определяется в рублях, нужно видеть «более раннюю ставку в гривне серебра»⁵⁵.

Статья седьмая Краткой редакции Устава князя Ярослава (Основной

---

50 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С.168.

51 Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. СПб., 1930. С. 111.

52 Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 1936. Вып. 1. С. 281.

53 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 194.

54 Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв. М., 1927. С.276

55 Там же. С. 277.

извод Пространной редакции подобной нормы не содержал) предусматривает ответственность за групповое изнасилование («аже девку у молвить к себе кто и дасть в толоку»)⁵⁶. В.И. Даль определяет «толоку» только как сбор населения, термин, родственные терминам толкотня (давка) и толпа.⁵⁷ Однако дальнейшее толкование нормы действительно позволяет предположить, что «толока» в уставе — это изнасилование и изнасилование групповое. Санкция статьи седьмой карает и самого «умычника» трехгривенным штрафом и пользу епископа и «толочан» как соисполнителей или соучастников преступления штрафом в размере одного рубля на каждого. Потерпевшая также получала выплату в размере трех гривен серебра.

Предусматривало церковно-уголовное право Древней Руси и виды соучастников, таких, например, как подстрекатель или даже организатор.

Подводя результат вышесказанному, нужно обозначить главные факторы, свойственные для института соучастия в древнерусском уголовном праве. Для начала, это разное нормативное укрепление ключевых положений соучастия в Русской Правде и в церковно-уголовном законодательстве. И выделить их особенности уголовной ответственности соучастников.

В церковно-уголовном законодательстве все соучастники отвечают в равной мере, но, вполне вероятно, что совершение правонарушения в соучастии в три раза карается строже, чем совершение аналогичного же правонарушения в одиночку. В церковном уголовном праве соучастники отвечают разным образом. Между всех видов соучастников выделяются «главные зачинщики», ответственность которых в несколько раз, больше других. Эти лица являются организаторами или подстрекателями по современной терминологии, которые совмещают в себе функции соисполнителя.

Русская Правда определяет институт соучастия применительно к видам татьбы, а церковно-уголовное право в отношении личности, объектом которого являются женщины. Вполне вероятно то, что в случаях посягательств на

---

56 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С.168.

57 Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка / под ред. проф. И. А. Бодуэна-дэ-Куртене. М., 1909. Т. 4. С. 784-786.

имущество церковно-уголовному законодательству индифферентно, как разделена вещь хищения меж соучастниками. Нераздельность «предмета» при умыкании и массовом изнасиловании обязывает определять и серьезнее наказывать того кто являлся инициатором похищения женщины, жизнь, здоровье, честь и достоинство которой, церковь считала одним из основных объектов уголовно - правовой охраны. В целом, это был, абсолютно, шаг вперед в становлении института соучастия в древнерусском уголовном праве.

Институт совершения правонарушения несколькими лицами в древнерусском уголовном праве появляется и складывается помаленьку, но не обособленно от аналогичных же уголовно - правовых институтов зарубежных соседей. В одном ряду с постепенным улучшением законодательства происходит оформление, накапливание и понимания судебной практики этого юридического явления, формируются способы уголовно-правового реагирования на похожие проявления. При этом, абсолютно бесспорно прослеживается появление института соучастия в совершении преступления несколькими лицами. Отсюда вытекают специфические особенности дифференциации уголовной ответственности, выражающиеся в ее усилении по отношению к институту соучастия в уголовном праве Древнерусского государства.

1.2 Институт соучастия по Судебнику Ивана III

В дальнейшем уголовное право претерпело серьезные изменения в эпоху образования и укрепления Русского централизованного государства, о чем свидетельствует Судебник Ивана III 1497 года. В своей основе он имел большое количество правовых источников. К их числу можно отнести нормы Русской Правды, приговоры Боярской думы и великого князя, княжеское законодательство, судебную практику, грамоты великих князей. Юридический уровень Судебника был достаточно высок. Только в некоторых законодательных памятниках содержались отдельные указания о необходимости привлечения к ответственности всех участников преступления.

М.Ф. Владимирский-Буданов в своём обзоре Судебника рассматривал его как результат систематизации местных законов и их унификации на об-

щей основе.

Показательно, что Владимирский-Буданов был склонен трактовать Судебник как источник почти исключительно процессуального права, не отразивший в своём содержании особенностей других отраслей права. Так, говоря о структуре Судебника, исследователь выделял три его части:

- о суде центральном;
- о суде провинциальном (наместничьем);
- содержащую материальное гражданское право.

«Из такого состава Судебника само собою ясно, что основное содержание его есть процессуальное право, таким образом, первая форма общего закона в Московском государстве далеко не обнимает всех правовых норм, бывших в юридическом обороте; а потому Судебник отнюдь не исключает огромного применения в жизни обычного права⁵⁸».

Вывод Владимирского-Буданова о том, что значительная часть правовых отношений регулировалась обычным правом, справедлив, однако нельзя согласиться с его мнением об исключительно процессуальном характере Судебника. Несмотря на то, что большая часть этого источника права и в самом деле посвящена процессуальным отношениям, именно Судебник своими многочисленными уголовно-правовыми нормами обозначил революционный переворот в сфере уголовного права, отразил новые тенденции, в полном виде развившиеся в последующие века.

Ф. Делп тоже видел в обычном праве основной источник права периода Судебников. При этом он связывал с действием обычного права даже установление новой системы наказаний, хотя большинство исследователей усматривали в новых наказаниях влияние государственной власти и её законотворческой деятельности: «В источниках, подлежащих теперешнему нашему рассмотрению, едва заметны следы порядка выкупов, господствовавшего в источниках времени Правд: они напротив того изобилуют наказа-

---

58 Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд-е 3-е, с дополнениями. Киев, 1900. С. 235.

ниями, налагаемыми государственною властью на самое лицо преступника и отличающимися своею строгостью. Из этого мы должны бы были заключить, что эти наказания введены не обычаем, но законодательною властью, убедившеюся в недостаточности выкупов. Но напротив того, обычай остается как прежде единственною формою образования законов и этим обычаем вводятся и утверждаются наказания, по своему характеру совершенно противоположные наказаниям времени Правд».⁵⁹

Данный документ, так же, как и предыдущие, не имел прямого закрепления положений о соучастниках, о распределении ролей между ними, о наказаниях соучастников. Косвенным образом эта проблема поднимается в ст. 14 «О татиных речех»: «А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет прирочной человек з доводом, ино его пытати в татбе; а не будет на него прирока з доводом в каково деле в прежнем, ино татиным речем не верити, дати его на поруку до обыску»⁶⁰. Многие исследователи полагали, что в этой статье упоминаются показания преступника о своих соучастниках.

Например, И.Д. Беляев именно так трактовал данную норму, обращая особое внимание на участие общества: «Так же сильно высказывается в Судебнике доверие к общественному мнению и в случае татинных оговоров; так, ежели бы вор на суде кого оговорил своим соучастником, то такого только тогда дозволялось приводить в суд и подвергать пытке, когда общество отзывалось о нем, как о человеке подозрительном, а если общество давало о нем хороший отзыв, то он отдавался на поруки»⁶¹.

О существовании соучастия как такового мы можем судить лишь исходя из конкретных составов преступлений и установленных наказаний за них. Некоторые составы преступных деяний в рассматриваемый период действия Судебника 1497 года отличались тем, что были совершаемы почти исключительно группами преступных лиц.

Это положение подтверждается материалом губных грамот, в которых

---

59 Депп Ф. О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича. СПб, 1848. С. 61.

60 Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т.2. С. 56

61 Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1884. С. 416.

отмечаются согласованные действия организованных групп разбойников. Так, Д. Тальберг, определяя понятие разбоя в период Судебников, указывает, что «соединение в разбойничьи шайки было преобладающей, наиболее безопасной и распространенной формой разбоя в XVI-XVII вв.». Так же наиболее чётко отграничивалось понятия грабежа, так как, что разбой, что грабеж, выражали собой два различные по внутреннему составу правонарушения⁶². Упоминание о грабеже находит отражение и в московско-литовских докончальных грамотах.

При этом губные грамоты подчёркивают, что в таких организованных группах функции их участников дифференцированы, а к разбойникам эти акты относят не только самих лиц, осуществляющих нападения, но и тех, кто их укрывает, принимает похищенное имущество и помогает сбыть его: «да где которых разбойников обыщите, или кто у себя разбойников держитъ, или к кому разбойники приѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, и вы бы тех разбойников ведомить межъ собя имали да обыскивали ихъ, и доведи на нихъ и пытали накрепко, и допытався у нихъ, что они розбиваютъ, да тѣхъ бы естя розбойников бивъ кнутемъ да казнили смертью; а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ и отъ нашихъ намѣстниковъ и от волостелей въ томъ продажи вамъ нѣту»⁶³.

Позднее это же положение о распределении ролей в разбойных группах было отражено и в Уставной книге Разбойного приказа: «А будетъ его въ обыскехъ одобрять, и его по обыскомъ дать на чистую поруку, записью, за техъ же обыскныхъ людей, которые его въ обыску добрили, въ томъ, что ему впредь не красть, и не розбивати, и лихимъ людемъ, татемъ и розбойникомъ, приѣзду къ себе не держати, и татиные и розбойные рухледи не перекупали и инымъ никакимъ воровствомъ не воровати.»⁶⁴. В той же Уставной книге Разбойного приказа упоминаются термины, которые использовались для наиме-

---

62 Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). СПб., 1880. С. 73.

63 Уставная Онежская грамота 1536 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. СПб., 1836. Т.1. № 181. С. 153.

64 Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Уставная книга Разбойного Приказа. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 49.

нования некоторых соучастников, выполнявших строго определённые функции; «А на которыхъ людей языки говорятъ съ пытокъ, въ станехъ и въ приездехъ. А на которыхъ людей языки говорятъ съ пытокъ, въ подводе и въ поноворке, и техъ людей, по язычнымъ молкамъ, имати же и животы ихъ печатали, и техъ людей съ языки съ очей на очи ставить, и роспрашивать, и указъ имъ чинили, также какъ разбойникомъ и становщикомъ⁶⁵».

Закон различал разные группы соучастников в зависимости от той функции, которую они выполняли в организованной преступной группе. В законодательстве упоминаются «становщики», «приездщики», «подводщики», «поноворщики». Под «станом» имелось в виду постоянное притонодержательство, «приезд» - доставление временного убежища разбойникам, «подвод» - указание места и удобного момента для совершения преступления, «поноворка» - обеспечение безопасности преступника во время совершения преступления, подстраховка.

Не вызывает сомнения, что совершение преступления в соучастии в данный период развития русского общества считалось таким же опасным, как и факт совершения преступления одним человеком, возможно поэтому в рассматриваемом документе специально не оговаривалась ответственность за совместную деятельность нескольких лиц. Законодательство Московского государства при назначении наказания за преступление никак не проводило отличий меж исполнителями и соучастниками, исполнявшими другие функции – они все без исключения подлежали одному и тому же наказанию, равно как и разбойники.

Исключение делалось только для лиц, которые обвинялись в приёме краденых или награбленных вещей; «А на которыхъ людей учнутъ языки говорить съ пытокъ, въ поклажее, а скажутъ, что у него положили за розбойное и за татиное, и того человека поймать, и по язычной молке поклажей на немъ доправить, да на немъ же взять въ исцовы иски выть, да его жъ дать на чи-

---

65 Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Уставная книга Разбойного Приказа. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 61.

стую порукусь записью; а не будетъ поруки, и его посадить въ тюрьму, докуда по немъ поруку будетъ»⁶⁶. В случае подтверждения обвинения лицо, виновное в приёме краденных вещей, присуждается к уплате возмещения ущерба истцам. Тюремное заключение грозит такому правонарушителю только в том случае, если у него не найдутся поручители.

В абсолютном большинстве случаев законодательство Московского государства говорит о правонарушении, совершаемом посредством действия, и только в единичных случаях можно найти упоминания о правонарушениях, заключающихся в бездействии правонарушителя. В частности, к таким преступным деяниям относится неоказание помощи, которое было регламентировано Уставной книгой Разбойного приказа: «А где учинится розбой, а которые сторонние люди слышачи крикъ и вопь розбитыхъ людей, какъ ихъ розбойники розбиваютъ, и те люди на крикъ и на вопь не пойдутъ и ихъ выдаютъ, или которыхъ людей, после розбою, розбитые люди учнутъ за розбойники въ погоню и на следъ звать, а те люди въ погоню за розбойники или на следъ не пойдутъ же, а исцы на ихъ въ томъ учнутъ бити челомъ, и про то обыскать околными людми, которые въ те поры въ погоне и на следу были; да будетъ на нихъ въ сыску скажутъ, что слышали крикъ розбитыхъ людей и на пособъ къ нимъ не пошли, и въ погоню за розбойники или следомъ не пошли жъ, и на техъ людемъ за выдачку и за ослушание имати выти»⁶⁷. Надо отметить, что неоказание помощи здесь трактуется весьма широко - это не только неоказание помощи пострадавшим во время самого разбойного нападения, но и отказ принять участие в преследовании разбойников, организованном пострадавшими.

К количеству компонентов относящихся к объективной стороне, распознаваемых московским правом периода Судебника Ивана III, может быть отнесено место и время совершения преступления, а также соучастие, при этом большое значение законодателем придавалось тому, какую функцию выпол-

---

66 Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Уставная книга Разбойного Приказа. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 61.

67 Там же. С. 58-59.

няли соучастники при совершении преступления. Как правило, для соучастников предусматривалась одинаковая юридическая ответственность, за несколькими исключениями (в частности, смягчение ответственности было возможно в отношении лиц, виновных в приёме краденых вещей).

Разновидностями имущественных преступлений предусмотренных в Судебнике 1497 г совершенных в соучастии, которые направлены на несколько объектов это имущество и жизнь, является разбой, кража, грабеж, похищение чужого имущества (татьба).

Судебник 1497 года уделяет значительное внимание объекту правонарушения, в некоторых случаях различает виды преступлений в зависимости от определения объекта. В наибольшей степени это выражено в разграничении Судебником видов татьбы. Вообще объектом татьбы по Судебнику выступает право собственности. Однако помимо обычной татьбы Судебник выделяет такие её разновидности как головную и церковную татьбу (статьи 7, 8, 9 и др.)¹²¹, вещи, право собственности, на которые нарушается.

Головная татьба трактуется большинством исследователей как похищение человека, вероятнее всего, - холопа. Холоп рассматривается как собственность хозяина, то есть здесь мы имеем дело именно с татьбой - преступлением имущественной направленности.

Следует обратить внимание, что в упомянутой статье Псковской Судной грамоты была определена ещё одна разновидность татьбы - коневая - которая была хорошо известна древнерусскому праву ещё со времён Русской Правды.

По нашему мнению, понятие «татьбы» занимает центральное место в системе имущественных преступлений по Судебнику 1497 г. В исследовательской литературе справедливо отмечается, что «татьба» являлась «общим понятием для обозначения посягательств на чужое имущество».

Если такое трактует понятие татьбы в широком смысле, то в узком смысле слова, под татьбой стоит понимать воровство или кражу.

Е.И. Колачев присоединяется к сложившейся в историко-правовой ли-

тературе позиции, согласно которой головная татьба — это похищение людей, преимущественно холопов⁶⁸.

Однако, как показывает Л.В. Черепнин, укрывательство людей, похищение холопов или переправка их за рубеж влекли не смертную казнь, а похолопление виновных⁶⁹.

Стоит отметить, что эксплуатируемое население (крепостные, холопы), естественно, не имели возможности и средств "воровать" чужих людей, укрывать их или переправлять за рубеж. В постановлениях церковно-земского собора говорится о сговоре как о разновидности совместной преступной деятельности, а также устанавливается ответственность за укрывательство.

Подводя итог вышеизложенному, стоит отметить красочно выявленную классовую направленность Судебника 1497 года, который охранял имущество и индивидуальность феодала, так же не исключает установления высочайшей санкции за подобное квалифицированное преступное деяние, как хищение чужого имущества, которое сопровождалось убийством владельца, что являлось параллельно и средством экзекуции с тем или другим представителем господствующего класса.

В праве Северо-Западной Руси XII-XV веков, сохранилась присущие для права Киевского государства толкование разбоя, как одного из максимально тяжких правонарушений, но вопрос состоит в том, каким образом поменялось сущность категории «разбой» в этот промежуток времени, в историко-правовой науке почти никак не освещён. Разбой трактовался точно также как, вооруженное нападение, чаще всего с целью наживы, за которым следовало изъятие собственности и причинение ущерба здоровью человека, вплоть до убийства.⁷⁰

Если первоначально разбой осознавался, как предумышленное лишение жизни, в большинстве ситуаций, объединенных целью наживы, то после разбой начал рассматриваться как метод завладения чужой собственностью,

---

68 Калачов Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. 2-е изд. - Спб.: Типо-литография А.Е. Ландау, 1880. Вып. 1. 203 с.

69 Черепнин Л.В. Русская Правда и новгородские берестяные грамоты // Вопросы истории. 1969. № 2. С.63.

70 Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв. М., 2007. С. 209.

по большей части, взаимосвязанный с убийством, посягающий на жизнь лица, а после уже против собственности.

Разбой считался преимущественно самым тяжким правонарушением по Русской Правде и карался наиболее жестким способом данного периода это потоком и разграблением.

В исследовательской литературе нет конкретного представления о том, какое значение вложили создатели Псковской Судной грамоты в понятие «разбой». Большая часть авторов склоняется к выводу о смешении определения «разбоя» и «грабежа» в Псковской Судной грамоте, разъясняя это тем, что за данные правонарушения присуждается одна и та же санкция.

Ю.В. Оспенников в своих трудах Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV века не согласен с таким мнением, аргументируя это тем, что «является нецелесообразным довольствоваться только одним историческим памятником, непосредственно Грамотой». ⁷¹.»

Ответственность за разбой являлось разнообразной в связи с тем, совершалось ли правонарушение «ведомо лихим человеком» или нет. Осуществление разбоя «ведомым лихим человеком» наказывалось смертной казнью. В случае если подозреваемый в разбое никак не являлся «ведомым лихим человеком», то он обязан компенсировать потерпевшему причиненный вред, («исцево доправить») это обозначало финансовое взыскание.

Чтобы максимально обширно проанализировать разбой как правонарушение по Судебнику Ивана III 1497 года, необходимо рассмотреть структуру этого правонарушения. В структуре каждого преступного деяния, присутствуют четыре компонента: субъект, объект, объективная и субъективная сторона.

Судебник Ивана III 1497 года никаким образом не отличает татей от разбойников, причисляя к данной категории ведомо лихих людей. К ведомо лихим людям в этом случае относят тех, кто избрал себе ремесло из татьбы и грабежа. В Судебнике 1497 г. Об этом говорится так: "А доведут на кого

---

71 Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв. М., 2007 .С 211.

татьбу, или разбой, или душегубство... и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнию"⁷².

И.Д. Беляев, характеризуя Судебник 1497 года, отмечал, что в нём уголовное право и уголовный процесс выходят на новый этап своего развития: «Судебник в делах по татьбе, разбою, душегубству, ябедничеству и другим преступлениям представляет совершенно новый, неизвестный прежде взгляд на преследование уголовных преступников. Он назначает наказание не по качеству самого преступления, а по степени виновности преступника, т.е. смотря по тому, первый или не первый раз уличается в преступлении преступник»⁷³. При этом Беляев полагал, что при определении ведомых лихих людей Судебник выказывает особое доверие представителям общества: «Судебник оказывает такое доверие к общественному мнению, что если 5 или 6 добрых людей под крестным целованием называли его лихим человеком, то по Судебнику обвиняемый приговаривался к смертной казни»⁷⁴.

В.И. Сергеевичем было высказано предположение, что русское право в средние века накладывало наказание не столько в связи с составом преступного деяния, сколько в связи с отнесением субъекта преступления к той или иной группе: « в Русской Правде и в Судебниках преобладает не индивидуальная оценка преступного деяния, а оценка его по некоторым общим признакам, которые предполагаются присущими известному роду людей. Это люди, которые живут разбоем»⁷⁵. Однако это предположение не находит убедительных доказательств: и Русская Правда, и Судебник 1497 года, и другие законодательные источники права определяют ситуации совершения преступления (включая конкретный объект посягательства, субъект, некоторые элементы субъективной и объективной сторон), а названия «разбойники», «тати» и т.п. используются применительно к людям, которые признаны виновными в совершении данных деяний.

То есть человек признаётся разбойником уже после того, как он совер-

---

72 Судебник 1497 года. Источники права / под ред. Р.Л. Хачатурова. Вып. 5. С. 37.

73 Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1884. С. 416.

74 Там же. С. 416.

75 Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 350.

шил разбой, не наоборот, как это пытался представить В.И. Сергеевич.

Сергеевич приводит цитату из Судебника в подтверждение своей гипотезы: «А доведут на кого татьбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, - казнити смертною казнию»⁷⁶. На основе этой цитаты он делает вывод: «Высшая мера наказания применяется потому, что преступник известен окольным жителям за лихого и облихован ими на обыске»⁷⁷. Вывод очевидно неправомерен и противоречит тексту источника, согласно которому высшая мера наказания применяется в случае наличия дополнительногоотягчающего обстоятельства - субъект преступления оказывается рецидивистом.

«Ведомые лихие люди», на которых ссылался исследователь, - это преступники, известные обществу своими прежними преступлениями, рецидивисты, именно по этой причине для них и предусматривается упрощенный порядок обвинения и вынесения решения.

Московское государство старается ликвидировать ведомых лихих людей, которые наживаются за счет чужого достатка. И для того периода был не важен способ кражи благосостояния тайно или с насилием. Наказание вора, а не ведомо лихого человека, было сравнительно меньше.

Исходя из определения разбоя по Судебнику 1497 года, объект преступления - это регулируемые уголовным законом общественно значимые ценности, блага, на которые посягает преступник, который совершает преступное деяние и в результате которого причиняется или может быть причинен значительный ущерб.

Объект правонарушения сопряжен с важнейшим свойством объективной стороны правонарушения - общественно опасными последствиями. Общественно опасные последствия - это конкретный установленный вред, ущерб, наносимый тому или иному социально-значимому лицу. Общественно опасные последствия показывают содержание и своеобразность конкрет-

---

76 Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т.2. С. 37.

77 Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 351.

ного объекта посягательства.

Судебником Ивана III 1497 года объективная сторона разбоя не раскрыта, однако можно допустить, что угроза разбоя виднелась как уничтожение инфраструктуры, так как разбойные нападения учинялись, как правило, на дорогах между населенными пунктами, в безлюдных районах.

Анализируя данный состав правонарушения можно отметить два объекта: первый - собственность, второй - жизнь и здоровье человека. Нужно выделить, то, что главным объектом тут является непосредственно собственность, а нанесение вреда здоровью или кончины человека станет вспомогательным. Из вышеизложенного, нанесение вреда здоровью или смерти человеку представляется не обязательным условием, а наказание субъект станет нести, вне зависимости от того причинен ли ущерб здоровью или жизни, так как главным обстоятельством тут считается открытое вооруженное нападение с целью наживы и кражи собственности.

Субъективная сторона разбоя в Судебнике Ивана III 1497 года изображена осмысленным замыслом, направленным на причинение ущерба собственности, жизни и состоянию здоровья.

Показательно, то, что период Московского права при назначении ответственности за разбой, не осуществляло разницы между исполнителями и соучастниками, совершающие другие функции - все без исключения подлежали одному и тому же наказанию.

2 СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ ПО РУССКОЙ ПРАВДЕ И СУДЕБНИКУ ИВАНА III

Судебник сделал значительный шаг в раскрытии категории «правонарушение» по сравнению с Русской правдой и Псковской судной грамотой, также отошел от частноправовой трактовки понятия «преступление» и развил понимание преступления, как общественно опасное деяние, но и внес в его понятие более четкий классовый смысл. Расширили перечень видов преступлений против государства по сравнению Русской правдой, которая не знала таких преступлений. Судебник не только расширил перечень этих деяний, но и отделили непреднамеренную судебную ошибку от преднамеренного неправосудия, но и установили материальную и уголовную ответственность для судебных должностных лиц вплоть до отрешения их от должности, которое было бессрочным⁷⁸.

Качественное изменение древнерусского уголовного права связывается главным образом с Судебником 1497 года, который по-иному трактовал само понятие преступления. Под преступлением стали пониматься «всякие действия, которые так или иначе угрожали государству или господствующему классу в целом и поэтому запрещались законом». Смысл преступления стал более определенным и открытым. Изменился и термин для обозначения преступления, вместо «обиды» оно именуется теперь «лихим делом».

Русская Правда в институте соучастия не выделяет существенных признаков. А упоминание о совершении преступления несколькими лицами не приводит к разработке понятия соучастия, что является весьма очевидным для уровня законодательства этого периода времени. Но все же можно проследить, что эти положения Русской правды ознаменовали первые шаги в развитии института соучастия, и это отмечают некоторые исследователи.

Судебник Ивана III, так же, как и предыдущие источники права данного периода, не имели прямого закрепления положений о соучастниках, о рас-

---

78 А. А. Егоров Эволюция категории «правонарушение» с IX по XVI вв. // Актуальные проблемы российского права. № 8. 2016.

пределении ролей между ними, о наказании соучастников.

О самом соучастии можно судить лишь из одной детали - это из конкретных составов преступлений и установленных наказаний за них. Некоторые составы преступлений в периоде древнерусского права, действия которых, регулирует Судебник 1497 года, отличались тем, что совершались практически только группами преступных лиц.

Также без сомнения можно сказать, что совершение преступления в соучастии, в период централизации московского государства и развития русского общества было, таким же опасным, как и факт совершения преступления в одиночку, возможно, поэтому в данном документе специально не фигурировала ответственность за совместную деятельность нескольких лиц.

В Русской Правде, как и в Судебнике 1497 года можно заметить равную ответственность всех соучастников преступления, независимо от их вида и степени участия в совершении преступления. Исключением является ответственность организатора или «главного зачинщика» наказание, которого в несколько раз было больше.

Также вместе с соучастием впервые в Русской Правде прослеживается институт принадлежности к преступлению, которая выражалась в форме укрывательства («... но оже будут с ним крали и хоронили»)⁷⁹. Чего не было в Судебнике 1497 года. Институт укрывательства, по мнению, Н.Я. Фроянова, определял специфический вид разряда укрывателей — варягов и колбягов⁸⁰.

В Русской Правде и согласно Судебнику 1497 года, определена структура объективной и субъективной стороны преступления. Судебник 1497 года, в сопоставлении с Русской Правдой, ещё более расширяющий круг лиц, которые имеют все шансы быть признанными субъектами преступления. Судебник Ивана III не определяет никаких половых или возрастных ограничений, так же ограничений по дееспособности и даже согласно состоянию не-

---

79 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 73.

80 Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 140.

свободы. Холопы в соответствии с Судебником Ивана III являются субъектами правонарушений.

Впервые в историко-правовой науке обнаружены гражданские и административные правонарушения, существовавшие в период действия Судебника. Кроме того впервые установлен и разрешен вопрос раскрытия пределов правонарушения, а также их отграничения от уголовных наказаний.

Важную и не последнюю роль играет объект преступления, на который направлены преступления, осуществляемые в соучастии.

Преступления против собственности, которые совершаются в соучастии, именуемые в современной юридической науке, как грабеж, мошенничество, вымогательство и иные, еще не содержались в Русской правде. Тем не менее, грабеж хоть и не выделялся в особую категорию преступления, но наказывался, так же как и «татьба» и непосредственно под именем «татьбы».

По Судебнику Ивана III выделяться квалифицированные виды татьбы — головная (кража людей) и церковная (кража любого имущества, принадлежащего церкви и монастырям).

Перво-наперво по Русской правде из понятия «татьба» можно выделить разбой. Разбой - это двух объектное преступление, которое посягает, с одной стороны, на имущество человека и, с другой стороны, на его здоровье. Именно поэтому данное преступление является наиболее тяжким из всех видов имущественных преступлений.

Русская Правда делит преступления по форме вины на умышленные и неосторожные, что является новшеством для древнерусского права. По Русской Правде убийство, совершенное «на пиру» (по форме является неосторожным), представляется как наименее опасное преступление по сравнению с убийством, совершенным «в разбое» (по форме является умышленным).

Судебнику Ивана III тоже известно понятие разбоя, но ответственность за разбой была разной в зависимости от того, совершался ли он «ведомым лихим человеком» или нет.

По мнению В.И. Сергеевича «Ведомые лихие люди»- это преступники,

известные обществу своими прежними преступлениями, рецидивисты.⁸¹

Судебнику Ивана III наиболее чётко отграничивал понятия грабежа, что разбой и грабеж. Данный документ различал разбой и грабеж как отличные друг от друга по внутреннему составу правонарушения⁸²».

По Русской Правде можно проследить появление некоторых совместных черт института соучастия в церковно - уголовном праве, чего нет в Судебнике. В Краткой редакции Устава князя Ярослава о церковных судах говорится, что соучастникам похищения женщины («умычникам») необходимо заплатить штраф епископу в размере одной гривны серебра⁸³.

Предусматривало церковно-уголовное право Древней Руси и виды соучастников, а именно таких, как подстрекатель или организатор. Подводя итог вышесказанному, необходимо обозначить основные причины, характерные для института соучастия в древнерусском уголовном праве.

Перво-наперво, данное различное нормативное закрепление главных положений соучастия в Русской Правде и в церковно-уголовном законодательстве. И выделить их отличительные черты уголовной ответственности соучастников. В церковно-уголовном законодательстве все соучастники отвечают в одинаковой мере, хотя, не исключено, что совершение преступления в соучастии втрое наказывается жестче, нежели совершение подобного преступления в одиночку. В церковном уголовном праве соучастники отвечают различным образом. Среди абсолютно всех типов соучастников отличаются «основные затейщики», обязанность которых в пару раз, преимущественно больше иных.

По Судебнику 1497 года уголовное право и уголовный процесс эволюционируют в новый этап своего развития: «Судебник в делах по татьбе, разбою, душегубству, ябедничеству и другим преступлениям представляет совершенно новый, неизвестный прежде взгляд на преследование уголовных

---

81 Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. Вып. 1. С 341.

82 Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). СПб., 1880. С. 73.

83 Российское законодательство X-XX вв. : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: РАМ, 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 168.

преступников. Он назначает наказание не по качеству самого преступления, а по степени виновности преступника, т.е. смотря по тому, первый или не первый раз уличается в преступлении преступник»⁸⁴.

Мерами юридической ответственности в Древней Руси по Русской Правде были поток и разграбление, вира, продажи.

Наиболее суровым наказанием был поток и разграбление, которое применялось только в трех случаях: за убийство в разбое, конокрадство, поджог двора или гумна.

В сфере уголовной ответственности Судебник 1497 года произвёл настоящую революцию - на смену системе денежных взысканий пришла система наказаний, имеющих главной целью не возместить причинённый преступником ущерб, а покарать его.

По Судебнику наказанием преследовалась цель не только покарать преступника и извлечь при этом имущественную выгоду, но и устрашить массы. Именно в этот период начинает складываться принцип: «чтобы, смотря на то, другим неповадно было так делать». Наказание носило публичный характер.

Смертная казнь устанавливалась за убийство зависимым своего господина, крамолу, церковную и головную татьбу, разбой, душегубство, или любое лихое дело, совершенное «ведомым лихим человеком» и за повторную кражу.

---

⁸⁴ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1884. С. 416.

3 ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

История соучастия в преступлении как самостоятельного института уголовного права, возникла еще в глубокой древности.

История Романо-германской правовой семьи берет свое историческое и генетическое начало в Древнем Риме в XII - XVI вв. Ее истоки находятся в Римском праве. Это отличает данную правовую семью от англосаксонской и всех других существующих в современном мире правовых семей.

Общепризнанной научной точкой зрения является, что Российская Федерация входит в состав Романо-германской правовой семьи. Следовательно, соучастие, как самостоятельный институт уголовного права зародился еще задолго до формирования Романо-германской правовой семьи - в Римской империи. В то время данный институт не получил широко применения и под соучастием понималось - совершение порочащего поступка более одним лицом. Данное положение закрепляли: кодекс Григориана, кодекс Гермогениана и кодекс Феодосия, а позднее - знаменитый Свод законов Юстиниана.

Исторической датой возникновения английского права считается 1066 год, когда нормандцы завоевали Англию. Английское право развивалось автономно от континентальной Европы, рецепция римского права ее не затронула. Развитие института соучастия в англосаксонской правовой семье взяло свое начало с Англии, после чего США и другие страны этой правовой семьи стали по - своему развивать данный институт уголовного права, внося новые положения.

Общим для рассматриваемых правовых семей является то, что соучастие является одним из самых древних институт уголовного права. С момента появления норм уголовного права, ответственность за соучастие всегда присутствовала. Государства, относящиеся к Романо-германской семье, (Италия, Испания, Португалия, Германия, Франция, Швеция, Норвегия, Дания, Индонезия, Япония) с одинаковой плоскостью рассматривали в течение

всего исторического развития и рассматривают на современном этапе институт соучастия, лишь некоторые из них вносили не существенные изменения, которые в целом не коснулись рассматриваемого института. Применительно к Романо-германской правовой семье, исследование пройдет применительно к законодательству Англии, т.к. оно является классическим для данной правовой семьи.

Развитие института соучастия в Англии начинается еще в средние века. Суд при рассмотрении того или иного преступления совершенного в соучастии рассматривал его индивидуально и назначал наказание каждому соучастнику отдельно по внесенному вкладу в преступление. В это время уже начинает формироваться понятие соучастия, и под ним понимают, совершение общественного проступка двумя или более лицами, объединенными общими силами. Видов соучастников как таковых не выделялось, отдельная роль отводилась лишь исполнителю. Формы соучастия стали разрабатываться намного позже.

На всем протяжении существования соучастия как отдельного института уголовного права, ему не уделялось должного внимания, так как впервые возникшие нормы существуют и применяются и по сей день.

Как видно история развития института соучастия не только отдельно взятой правовой семьи, но и каждого государства в отдельности уникальна и идет по своему пути развития. Институт соучастия каждой страны обладает своеобразием, национальным характером, в нем отразились различия в общественном и государственном устройстве, культуре традициях народа.

3.1 Понятие института соучастия в древнегерманском праве по «Саксонскому зеркалу» и «Каролине»

Прежде чем упомянуть о первых импульсах становления соучастия в древнегерманском праве хотелось бы отметить источники права. Первым источником являлось «Саксонское зеркало» — сборник германского права, составленный в 1221— 1225 гг. немецким юристом Эйке фон Рецковом.

В Германии производилась запись так называемого партикулярного

права, включающая в себя «Правовые книги». Максимальной популярностью пользовалось «Саксонское зеркало», сформированное в начале XIII века. «Саксонское зеркало» состоит из нескольких книг, где первая предназначена общему земскому праву, а вторая - ленному праву. Первая книга отображает непосредственно практику судов, а сущность второй книги включает уголовное, процессуальное, гражданское и частично государственное право. Позже к XIV веку на нескольких территориях древней Германии возникла преобразование Саксонского зеркала исключительно к местным традициям и нуждам.

Необходимо отметить, что уголовное законодательство и уголовное право постоянно уделяют внимание более точному определению объективно-субъективных признаков видов соучастия. Так, определение укрывателя встречается еще в правовом акте Саксонское зеркало, подстрекателя — в Каролине⁸⁵.

В дальнейшем правовые акты очень бегло регламентируют ответственность соучастников. Например, было записано, что лицо, способствовавшее другому лицу в совершении преступления, подлежит наказанию, но не давалось определения соучастия и не сделана попытка выделить различные формы соучастия.

Подстрекательство и соучастие рассматривалось в следующих статьях Саксонского зеркала:

Статья 4 Саксонского зеркала гласит: «Если признает, что (вещь была) куплена, он (продавец) должен быть поручителем по праву за эту вещь, которую он продал. Ибо тот считается вором или соучастником вора, который признал, что продал (вещь), а поручительство свое оспаривает, разве только он оговорил свой отказ от поручительства при продаже».

Статья 46 Саксонского зеркала гласит: «По поводу одной раны можно обвинять не более одного; однако можно обвинять нескольких в подстрекательстве».

---

85 Берман Г. Дж.. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. : Изд-во ИНФРА-НОРМА. М., 1998. 624 С.

тельстве и в соучастии».

Следующим источником древнегерманского периода является Каролина.

«Каролина» — свод общегерманских уголовных законов, составленный в 1532 г. при Карле V, выделяется особо жестокими наказаниями. Действовал до конца XVIII в.

По «Каролине» к общим понятиям уголовного права относятся умысел и неосторожность, обстоятельства смягчающие или отягощающие ответственность, покушение, соучастие.

«Каролина» выделяет стадии совершения преступления, предусматривая санкции не только лишь за совершенное правонарушение, но и за покушение на правонарушение, расценивая его как прерванное независимо от действий правонарушителя.⁸⁶

Большое количество внимание уделялось соучастию. Различалось три вида соучастия:

- 1) предоставление поддержки вплоть до совершения правонарушения (обеспечение орудия, жилища и т.п. с целью совершения правонарушения);
- 2) предоставление поддержки в момент совершения правонарушения;
- 3) предоставление поддержки уже после совершения правонарушения.

В последнем случае подчеркивалось различие между пособничеством, сконцентрированным на сокрытии следов правонарушения, которые препятствовали поиску преступника, и укрывательством, которые оказывали помощь из сострадания, либо без извлечения личной выгоды.

В первом случае устанавливалась такая же ответственность, как и для преступника, а во втором случае наказание было помягче.⁸⁷

3.2 Понятие института соучастия в Английском средневековом праве

Институт соучастия - один из самых древних институтов английского

---

86 Исаев И.А. История государства и права России. Полный курс лекций. 2-е изд. М., Юрист, 1994. 448 с.

87 Батыр К.И., Филиппова Т.П., Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права / под ред. К.И. Батыра. М.: Былина, 1995. 416 с.

общего права. Вначале учение о соучастии разрабатывалось в Англии применительно лишь к фелонии. К другим видам преступлений, нормы о соучастии не применялись. Фелония - это обозначение степени опасности преступного поведения, которое отвечало определенным квалификационным признакам, а именно тяжкого или особо тяжкого преступления.

С ростом в англо-американском праве доли статутных норм положения общего права были изменены.

Средневековая Англия с начала XIV века прочно взяла за основу принцип - "слабоумный или безумный не отвечает за преступление". Ответственность лиц участвующих в преступлении исключалась в случае самообороны при преступлениях, направленных против личности. Учение о соучастии, которое сложилось благодаря судебной практике, исходило из принципа: "кто совершает нечто через другого, делает это сам".

В Англии до XVII века функционировала концепция соучастия, которая была создана нормами общего права. Она включала исполнителей и их пособников вплоть до и уже после совершения правонарушения.

Тяжесть вины соучастников в большей степени определялась тем, действовал ли соучастник до или после совершения правонарушения. Соучастие до совершения правонарушений в форме подстрекательства влекло ответственность равную наказанию "главного исполнителя". А соучастие после совершения преступления - более мягкое наказание.

Исполнители в свою очередь разделялись на исполнителей первой степени, т.е. лиц, которые напрямую осуществляли действия преступного характера, и исполнителей второй степени, ими считались те, кто осуществлял поддержку преступнику, например, присутствуя во время и на месте преступного деяния. Понятие «присутствия» толковалось весьма обширно. Английские юристы не рассматривали проведения отличия исполнителей и пособников между собой в момент совершения преступления, так как эти два вида правонарушителей находились в категориях «исполнитель первой степени» и «исполнитель второй степени».

«Пособниками до совершения преступления» согласно общему праву, являлись лица, которые обеспечивали, советовали, отдавали приказы преступнику или при некоторых условиях, давали ему оружие, инструменты и т. д. «Пособники после совершения преступления» укрывали заведомо известного правонарушителя или осуществляли ему поддержку.

Весьма авторитетный английский юрист К. Кенни указывал, что «в настоящее время единственное существенное различие, которое сохранилось между разными степенями соучастия, заключается в том, что лицу, роль которого ограничивается пособничеством после события преступления, назначается весьма мягкое наказание».

В памятниках права Англо-саксонской правовой семьи широкую регламентацию получил один из видов соучастия - укрывательство.

Укрывательство - это действия, направленные на сокрытие, а равно на помощь в сокрытии преступника (фелона) или краденого имущества с целью наживы, преступного умысла или для совершения какого-либо неправомерного деяния.

К укрывательству в средние века относили также и скупку краденого. Укрывательство как преступление имеет древние корни, восходящие к римскому праву. В англосаксонских правдах и законах укрывательство было в основном связано с укрывательством преступника или того, кто был объявлен вне закона. Укрывательство или скупка краденого имущества прямо упоминается только в правде Инэ: «Когда один обвиняет другого в краже скота или укрывательстве краденого скота, то он должен опровергнуть обвинение в краже с помощью присяги в 60 гайд, если ему разрешили принести присягу».

Как видно из этого отрывка, кража и укрывательство, равнозначные преступления, а поэтому укрывательство наказывалось как кража. Однако вероятно из-за того, что обвинение в краже было сложнее выдвинуть, чем обвинение в убийстве, поэтому в дальнейшем говорится об обвинении в укрывательстве краденого движимого имущества и убийстве.

Об укрывательстве краденого движимого имущества в англосаксонских правдах и законах сказано гораздо меньше, чем об укрывательстве преступников, изгнанных из королевства или тех, кто был объявлен вне закона. Поскольку укрывательство приравнивалось к краже, то и укрыватели назывались ворами.⁸⁸

Свидетельством серьезного внимания, которое уделяется в англосаксонских правдах и законах укрывательству преступников, является то, что почти все короли Англии, начиная с королей Кента Хлотаря и Эдрика и до англосаксонского короля Эдуарда Исповедника, включали это преступление в свои правды и законы.

В англо-нормандский период это преступление теряет свою значимость, так, например, в законах Генриха I ему отвели место только среди менее опасных преступлений.⁸⁹

Однако с зарождением общего права укрывательство одним из первых попадает в категорию тяжких преступлений. В двух ассизах⁹⁰ Генриха II, Кларендонской и Нортгемптонской, укрывательство упоминается уже как фелония.⁹¹

Несмотря на то, что в этих ассизах укрывательство стоит в ряду таких фелоний как тайное убийство, разбой, кража, поджог и фальшивомонетничество, в трактате Гленвиля, последовавшем за этими ассизами, это преступление даже не упоминается. Тем не менее, вероятнее всего, оно также как и кража входит в число преступлений, находящихся в юрисдикции шерифа, так как согласно трактату Гленвиля, «дела о краже и другие дела, подсудные шерифу, разбираются и разрешаются согласно различным обычаям в различных судах графства».

Поскольку в судах графства еще действовал древний обычай, такие предположения можно считать верными при проведении аналогии с англо-

---

88 Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы под ред. В.М. Корецкого. М., 1961. С 80.

89 Легенды Генриха / под редакцией проф. Л.Ж. Довнера. Оксфорд., 1927. С. 126-127.

90 Ассизы (позднелат. *assisae* — заседания) — собрание, заседание суда.

91 Петрушевский Д.М. Памятники истории Англии XI-XIII вв. М., 1936. С. 57-56.

саксонскими правдами и законами. В первой половине XIII в. практика судов в делах, в которых укрывательство было одним из основных преступлений, соответствовала положениям Кларендонскому и Нортгемптонскому ассизу. Так, подозреваемые в укрывательстве краденого имущества и преступников, например, субъекта берглэри или человека, объявленного вне закона, должны были «очистить себя водой согласно ассизу», т.е. с помощью ордалии.

А согласно Кларендонскому ассизу человек, «обвиняемый на основании фактических данных или на основании слухов, на основании клятвенных показаний» в укрывательстве «должен быть арестован и подвергнут испытанию водой».⁹²

А согласно Нортгемптонскому ассизу, «если кто будет обвинен перед судьями государя-короля в укрывательстве людей», совершивших фелонию, «то он идет на испытание водою», «а если выйдет чистым из испытания водою, то должен найти поручителей и пусть остается в королевстве», но если он будет обвинен жюри присяжных в другом гнусном преступлении, «то хотя он вышел из испытания водою невредимым, тем не менее, в течение сорока дней он удалится из королевства».⁹³

В то же время предоставленная этими ассизами возможность проводить расследования с помощью жюри присяжных в первой половине XIII в. довольно активно использовалась в практике королевских судов. Жюри присяжных устанавливало не только виновность или невиновность обвиняемого, сколько конкретные факты по делу, так как, согласно Брайтону, оно должно было давать показания «о субъектах берглэри⁹⁴ и преступниках и их укрывателях во время мира». И если эти присяжные установили, что имел место факт укрывательства или что подозреваемый виновен, то его обычно казнили через повешение, а если факты не подтвердились или обвинения оказались беспочвенными, то он освобождался.

---

92 Петрушевский Д.М. Памятники истории Англии XI-XIII вв. М. 1936. С 58.

93 Там же. С 64.

94 Берглэри - это преступление, связанное с проникновением в ночное время с преодолением физического препятствия в чужое жилище с умыслом совершить в нем фелонию, либо бегство в ночное время с преодолением физического препятствия из чужого жилища, в которое субъект проник с целью совершить в нем фелонию или где он совершил фелонию, и даже если он ее не совершал.

Доктрина Брактона также не обошла стороной и такое преступление как укрывательство. Для предупреждения подобного преступления, согласно доктрине Брактона, «король и его совет в законодательном порядке установили, что все, кто достиг возраста пятнадцати лет и более как рыцари, так и все остальные, должны поклясться, что они не будут укрывать объявленных вне закона, грабителей или субъектов берглэри. не присоединятся ни к ним, (ни к тем, кто укрывает их, и если они знают о таких людях, они распорядятся задержать их и представят доказательства шерифу и его помощникам, что они сделали)».

Однако значительное место в трактате Брактона занимает укрывательство тех, кто объявлен вне закона, потому что сокрытие таких преступников в нем уделялось особое внимание. Вероятно, все высказанное Брактоном в отношении объявленных вне закона распространяется и на укрывательство других преступников, так как за укрывательство наказывается любое «лицо, называемое укрывателем злых людей».

А столь подробное рассмотрение укрывательства объявленных вне закона логично, так как их укрывательство чаще всего являлось умышленным. Согласно доктрине Брактона, укрывательство включает умышленные действия, связанные с предоставлением пищи и крова, а также с поддержанием иным образом какой-либо тесной связи с преступником.⁹⁵

Фактически любые действия, с помощью которых можно было прятать или содержать человека, чтобы он мог скрываться от правосудия, квалифицировались как укрывательство. Слово «умышленно» Брайтоном подчеркивается особо. Он пишет: «Я говорю «умышленно», потому что (объявленный вне закона) возможно известен и может быть узнан или неизвестен и не может быть узнан; таким образом, тот, кто укрывает известного и узнаваемого объявленного вне закона, и кого называют «другом объявленного вне закона», должен быть наказан тем же наказанием».

---

95 Хатунов, С. Ю. Преступление и наказание в средневековой Англии. М. : Компания Спутник+, 2003. С 158.

В своем трактате Брайтон приравнивает укрывателя к фелону, поскольку «он должен понести такое же наказание, как и объявленный вне закона, таким образом, он может быть лишен всего своего имущества и своей жизни, если король не пощадит его из милосердия».

Проводя аналогию с римским правом, Брайтон заимствовал из кодекса Юстиниана то, что наказание за укрывательство приравнено к наказанию того фелона (преступника), которого он укрывал, поскольку любой укрыватель не отделим от тех, кто виновен в совершении преступления. Поэтому Брайтон считает, что тот, кто умышленно укрывает воров и не передает их в руки правосудия, должен понести «телесное наказание и лишится своей собственности».

В трактатах, написанных после Брактона, нет ничего дополняющего доктрину Брактона, потому что авторы трактатов XIII-XIV вв. игнорировали проблему укрывательства, но в трактате Fleta есть краткое дополнение, взятое из первого Вестминстерского статута.

Первый Вестминстерский статут изменил и дополнил Брактона, а именно запрещалась практика объявления вне закона лиц, привлеченных к суду за сокрытие преступника и схожие преступления, «одновременно с теми, кто привлечен по обвинению в совершении самого преступления».⁹⁶

Поэтому впредь согласно этому статуту обвиненные в сокрытии преступника и схожих преступлениях не могут быть объявлены вне закона, «пока не осужден тот, кто обвиняется как главный преступник, так, чтобы один закон действовал бы отныне по всей стране». Это положение статута не препятствует выдвижению «обвинения против такого рода преступников», однако требует отложить рассмотрение «до тех пор, пока главные виновники преступления не будут объявлены вне закона или приговорены к другому наказанию».⁹⁷

В XIV в. составной частью преступного поведения любого преступни-

---

96 Гутновой Е. В. Вестминстерские статуты. М., 1948. С. 15.

97 Там же. С. 16.

ка, совершившею или пытающегося совершить кражу, являлся поиск мест и людей для сокрытия и сбыта краденого имущества, а также людей, которые предоставят ему безопасное место, для того чтобы он мог скрыться от своих преследователей. Так, например, после кражи какого-либо имущества или совершения другой фелонии у преступника появляется проблема, которая чаще всего становится важнее самой совершенной кражи или другой фелонии, а именно как скрыться или распорядиться краденым имуществом, а порой и то, и другое. Им на помощь, приходя родственники или сообщники, или те, кто ради наживы помогут любому фелону. Их называют укрывателями или скупщиками краденого и укрывателями фелонов (преступников) или подозреваемых в совершении фелонии. Они, как правило, делятся на две группы. К первой относятся те, кто являлись преступниками, а ко второй те, кто не являлись преступниками.

С первой группой укрывателей все предельно ясно, так как обычно входившие в эту группу лица могли быть как членами банды разбойников или членами их семей, участвовавшими в планировании преступления, так и наводчиками преступников или другими соучастниками, уже совершившими хотя бы одно преступление до этого.

Особо следует отметить тех преступников, которые специализировались на укрывательстве. Так, Ричард де Вормбридж был постоянным жителем города Херефорд, которого жюри присяжных этого города обвинило в том, что он «общеизвестный укрыватель воров и обрезчиков кошелев», видимо подозревая, что он один из тех людей, которые зарабатывают на жизнь укрывательством.⁹⁸

Иногда такие преступники организовывались в группы. Как правило, такие группы состояли из родственников, но существовали и другие профессиональные группы по укрывательству и скупке краденого, куда входили не только родственники. В одном из протоколов суда записано, что обвинение было предъявлено группе в составе Кристины Хевиш, Марджери Брендел,

---

98 Хатунов, С. Ю. Преступление и наказание в средневековой Англии. М. : Компания Спутник+, 2003. С 95.

Фелиции Кинггам и ее дочери Колетт, Джона, сына Матильды ла Фри. его брата Ричарда и Уильяма, сына Джона де Бругеса, которая была создана с целью укрывателе на. скупки или сбыта краденого имущества, поступавшего от грабежей. совершавшихся Генри Капусом.

Со второй группой укрывателей ясности намного меньше, чем с первой, так как непрофессиональных преступников и укрывателей трудно уличить в умышленности того или иного деяния, которое помогло преступнику скрыться или сбыть краденое.

Так, например, краденый скот, зерно, мука, ткани и домашняя утварь преступниками сбывались торговцам, ремесленникам и другому мастеровому люду напрямую или на ярмарках. Мясники принимали скот для забоя, портной - ткань для пошива, мельник - зерно для производства муки, пекарь - муку для выпечки хлеба, ювелиры - драгоценности и домашнюю утварь, особенно если она была серебряной, для продажи.

Помимо этого любой мог купить краденое имущество на ярмарках, где воры и скупщики краденого любили торговать. Но иногда некоторые люди, даже не предполагали, что являются укрывателями, когда принимали человека, который приобрел с помощью друзей королевскую грамоту о помиловании, пока сидел, в тюрьме.

Так, например, некий Роберт, будучи обвинен в укрывательстве, явился в суд и отрицал свою причастность к этому преступлению, утверждая, что «тот, кого он укрывал, сам никогда не был осужден за преступление и таким образом он, Роберт, не мог быть укрывателем». Однако судья в ходе педирования адвоката ответчика отверг его доводы и назначил наказание в виде денежного штрафа в пользу короля, заявив, что «так как ты не можешь отрицать, что ты укрывал его, а это - большой проступок против короля». Адвокат, защищая обвиняемого, безусловно, опирался на первый Вестминстерский статут и был прав в том, что соучастники преступления, в котором относятся и укрыватели, не могут быть осуждены до тех пор, пока не осужден главный преступник. Это видимо заметил и автор записей, которые вошли в

этот Ежегодник, считавший, что решение противоречило закону страны, так как «судьи поступили скорее ради выгоды» и «ad terrorem (для устрашения)».⁹⁹

Также к этой группе укрывателей относятся и те люди, которые не всегда по доброй воле становились укрывателями или скупщиками краденого, но так же предоставляли убежище преступникам. Особенно когда члены банды Одингеслеса, совершив несколько грабежей, пытались найти убежище в женском монастыре в Райдуэре, и, получив отказ настоятельницы монастыря, силой ворвались и обосновались там. Иногда предоставление убежища преступникам служило интересам представителей знати и высшего духовенства, которые не только укрывали их, но даже держали их на службе с целью осуществить какую-либо интригу или заговор и т.д., а порой для того, чтобы с их помощью совершать преступления.

Таким образом, можно утверждать, что в средневековой Англии укрывательство являлось фелонией, так как оно считалось продолжением преступного деяния, которое квалифицировалось как фелония, а, следовательно, составной частью уже совершенной фелонии, несмотря на то, что укрывательство имело другой состав преступления.

---

⁹⁹ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. М., 1961. С 89.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История становления института соучастия в РФ берет свое происхождение с периода создания Древней Руси в X- XV веке.

На законодательном уровне в XI веке впервые встречается ответственность лиц, которые вместе совершают преступление. Источником, которого являлась Русская Правда. Этот законодательный монумент не выделяет пока определения соучастия, не выделяет виды соучастников, не делит его на виды, в нем в самом упрощенном виде можно проследить первое семя со исполнения, собственно, что говорит о принципе равной, а временами и расширительной ответственности всех членов правонарушения.

На всем протяжении X-XV века формирования древнерусского уголовного законодательства осуществляется пристальный интерес законодателя к правонарушениям, которые совершаются несколькими лицами. И в законодательстве вводятся разграничение преступлений, совершенных в соучастии и в одиночку.

Наглядно то, что в нормах Русской Правды вводились попытки регулирования и установления ответственности за пособничество в форме укрывательства, попустительства, недоносительства.

Соучастие существовало уже давно, и оно не нуждалось в закреплении закона, так как было очевидным.¹⁰⁰

Пространная редакция Русской Правды в статьях все также осуществляет развитие института соучастия. И тут становится более, чем очевидно, применение обобщения. Также и в наиболее позднейший промежуток времени не прекращает прослеживаться обычай совершенно одинаковой ответственности всех соучастников деяния, вне зависимости от их степени и роли участия в совершении правонарушения.¹⁰¹

Из числа видов соучастников уже в достаточной степени можно выде-

---

100 Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М.: Буквица, 2006. С. 29.

101 Леонтович Ф. Древнее хорватско-далматское законодательство // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса. 1868. Том 1. Вып. 3 и 4. С. 27.

лить не только исполнителей, но и подстрекателей.¹⁰²

У М.Ф. Владимирского - Буданова была точка зрения, что Русская Правда знала такую форму соучастия, как преступное сообщество, пособничество и институт прикосновенности, и поэтому и наказывает каждого правонарушителя одинаково.¹⁰³

А. П. Чебышев Дмитриев считает, то, что из всех типов преступного сообщества Русская Правда понимает только соучастников и укрывателей.

Определение места в перечне видов соучастников такого, как инициатор преступления. По мнению исследователей Н.В. Артеменко и А.М. Миньковой инициатор осуществляет управление и руководство в организации, подготовке, и возможно в реализации объективной стороны данного правонарушения.

Виновность преступного деятеля способна существенно меняться, в случае если в одном из тех же преступлений, которые выражали совместную волю нескольких преступников или все без исключения совершают преступное деяние в сговоре — с одинаковой заинтересованностью для каждого. В первом случае основной инициатор несёт наивысшую меру наказания, во втором — все без исключения одинаковую. Русская Правда понимает только лишь преступное сообщество и наказывает любого правонарушителя в одинаково.

Так же, в Правде Ярославичей присутствует статья о краже холопа (об уводе холопа) в которой устанавливается пеня за сокрытие холопа варягом или колбягом. Данная статья регламентирует укрывательство как форму соучастия в преступлении. Штраф, устанавливаемый за кражу холопа, более высокий по сравнению с убийством холопа в связи с тем, что он являлся предметом частной собственности, принадлежащей феодалу.

Совершение преступлений в соучастии, направленных против личности, упоминавшихся в Русской Правде, трудно отграничить по субъективно-

---

102 Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С.483.

103 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов -на -Дону. 1995. С. 314.

му моменту. Общепризнанная точка зрения, по которой преступление, совершенное на пиру, является непредумышленным, а убийство, совершенное в разбое, - умышленным.

Вполне уместно, на наш взгляд, сказать и о появлении некоторых общих контуров института соучастия в церковно - уголовном праве.

Статья седьмая Краткой редакции Устава князя Ярослава предусматривает ответственность за групповое изнасилование. Чего не было в Пространной редакции.

Церковно-уголовное право Древнерусского государства учитывали виды соучастников, таких, как подстрекатель или инициатор.

В церковном уголовном праве у соучастников различная ответственность. Среди всех видов соучастников можно выделить «главных зачинщиков», ответственность которых в несколько раз, больше других. Эти лица являются организаторами или подстрекателями по современной терминологии, которые совмещают в себе функции соисполнителя.

Русская Правда определяет институт соучастия применительно к формам хищений, церковно-уголовное право в отношении личности, а конкретнее — женщины. Вполне вероятно то, что в случаях посягательств на имущество церковно-уголовному законодательству индифферентно, как разделена вещь хищения меж соучастниками.

Институт совершения правонарушения несколькими лицами в древнерусском уголовном праве появляется и складывается помаленьку, но не обособленно от аналогичных же уголовно - правовых институтов зарубежных соседей. В одном ряду с постепенным законодательным оформлением осуществляется накопление и осмысление судебной практики данного юридического явления, вырабатываются методы уголовно-правового реагирования на похожие проявления. При этом, абсолютно бесспорно прослеживается появление института соучастия в совершении преступления несколькими лицами. Из этого и вытекают характерные особенности дифференциации уголовной ответственности, выражающиеся в её усилении к институту соуча-

ствия в уголовном Древнерусском праве.

Судебник Ивана III 1497 года как и непосредственно предшествующие, никак не устанавливал положений о соучастниках, о распределении их ролей между собой и наказаниях. Косвенным образом эта проблема поднимается в ст. 14 «О татиных речех». Многие исследователи полагали, что в этой статье упоминаются показания преступника о своих соучастниках.

О наличии соучастия как такового мы можем рассуждать только отталкиваясь из определенных составов правонарушений и определенных санкций. Некоторые составы противозаконных действий в анализируемом промежутке времени, которые регулируются Судебником 1497 года, отличались тем, что существовали только практически группами лиц. Такое положение подтверждается материалом губных грамот, в которых отмечаются слаженные действия организованных групп разбойников.

При этом губные грамоты подчёркивают, что в таких организованных группах функции их участников дифференцированы, а к разбойникам эти акты относят не только самих лиц, осуществляющих нападения, но и тех, кто их укрывает, принимает похищенное имущество и помогает сбыть его

Закон выделял различные категории соучастников в зависимости от той функции, какую они осуществляли в собранной преступной группе. В законодательстве упоминаются «становщики», «приездчики», «подводщики», «поноровщики». Под «станом» понималось систематическое притонодержательство, «приезд» - предоставление временного укрытия разбойникам, «подвод» - обозначение зоны и комфортного момента для совершения правонарушения, «поноровка» - предоставление охраны осуществляет безопасность правонарушителя в момент совершения правонарушения (страховка).

Древнерусское право Московского государства при назначении санкций за разбой не различала исполнителей и соучастников, которые выполняли другие функции - все без исключения они подлежали одному и тому же наказанию, так же как разбойники. Исключение делалось только для лиц, которые обвинялись в приёме краденых или награбленных вещей.

К числу элементов объективной стороны, различаемых московским правом периода Судебника Ивана III, могут быть отнесены место и время совершения правонарушения, а также соучастие.

Разновидностями имущественных преступлений предусмотренных в Судебнике 1497 г совершенных в соучастии, которые направлены на несколько объектов это имущество и жизнь, является разбой, кража, грабеж, похищение чужого имущества (татьба).

Головная татьба - похищение человека (вероятнее всего холопа). Холоп рассматривается как собственность хозяина.

По мнению Л.В. Черепнина ответственностью, за укрывательство людей, похищение холопов или переправку их за рубеж, являлась не смертная казнь, а похолопление виновных.¹⁰⁴

В постановления церковно-земского собора говорится о сговоре как о разновидности совместной преступной деятельности, а также устанавливается ответственность за укрывательство.

Показательно, что законодательство Московского государства при назначении наказания за разбой не проводило различий между собственно исполнителями и соучастниками, выполнявшими иные функции - все они подлежали одному и тому же наказанию как.

История соучастия в преступлении как самостоятельного института зарубежного уголовного права, возникла еще в глубокой древности.

В то время данный институт не получил широко применения и под соучастием понималось - совершение порочащего поступка более одним лицом.

С момента появления норм уголовного права, ответственность за соучастие всегда присутствовала.

Одни из самых первых импульсов становления института соучастия можно заметить в Романо-германской правовой семье, а именно в древнегер-

---

104 Черепнин Л.В. Русская Правда и новгородские берестяные грамоты // Вопросы истории. 1969. № 2. С.63.

манском праве, источниками которого являются Саксонское зеркало и Каролина.

Впервые определение укрывателя встречается еще в правовом акте Саксонского зеркала, подстрекателя — в Каролине.

В дальнейшем правовые акты очень бегло регламентируют ответственность соучастников. Например, было записано, что лицо, способствовавшее другому лицу в совершении преступления, подлежит наказанию, но не давалось определения соучастия и не сделана попытка выделить различные формы соучастия.

Следующим источником древнегерманского периода является Каролина.

Много внимание уделяется соучастию. Различалось три вида соучастия:

1) оказание помощи до совершения преступления (предоставление оружия, дома и т.п. для совершения преступления);

2) оказание помощи в момент совершения преступления - совиновничество, за которое устанавливалось такое же наказание, как для главного виновника;

3) оказание помощи после совершения преступления.

Исследование института соучастия по зарубежному праву первоначально пройдет применительно к законодательству Англии, т.к. оно является классическим для Романо-германской правовой семьи.

Развитие института соучастия в Англии начинается еще в средние века. Суд при рассмотрении того или иного преступления совершенного в соучастии рассматривал его индивидуально и назначал наказание каждому соучастнику отдельно по внесенному вкладу в преступление. Видов соучастников как таковых не выделялось, отдельная роль отводилась лишь исполнителю. Формы соучастия стали разрабатываться намного позже.

Вначале учение о соучастии разрабатывалось в Англии применительно лишь к фелонии. К другим видам преступлений, нормы о соучастии не при-

менялись. Фелония - это обозначение степени опасности преступного поведения, которое отвечало определенным квалификационным признакам, а именно тяжкого или особо тяжкого преступления.

Концепция о причастности создания судебной практики, исходила из принципа: "кто совершает что-нибудь посредством другого, делает это сам".

Тяжесть вины соучастников в значительной мере определялась тем, действовал ли соучастник до совершения правонарушения, либо после. Участие до совершения правонарушений, к примеру, в форме подстрекательства, влекло, как правило, ответственность, равную ответственности "главного исполнителя", уже после совершения правонарушения – наиболее мягкое наказание.

В памятниках права Англо-саксонской правовой семьи широкую регламентацию получил один из видов соучастия - укрывательство.

Об укрывательстве краденого движимого имущества в англосаксонских правдах и законах сказано гораздо меньше, чем об укрывательстве преступников, изгнанных из королевства или тех, кто был объявлен вне закона. Поскольку укрывательство приравнивалось к краже, то и укрыватели назывались ворами.

Однако с зарождением общего права укрывательство одним из первых попадает в категорию тяжких преступлений. В XII в. укрывательство упоминается уже как фелония.

В то же время предоставленная возможность проводить расследования с помощью жюри присяжных в первой половине XIII в. довольно активно использовалась в практике королевских судов.

Позже в Трактате Брактона говорится об укрывательстве тех, кто объявлен вне закона, потому что сокрытие таких преступников в нем уделялось особое внимание.

Проводя аналогию с римским правом, Брайтон заимствовал из кодекса Юстиниана то, что наказание за укрывательство приравнено к наказанию того, которого он укрывал, поскольку любой укрыватель не отделим от тех, кто

виновен в совершении преступления.

Первый Вестминстерский статут изменил и дополнил Брактона, а именно запрещалась практика объявления вне закона лиц, привлеченных к суду за сокрытие преступника и схожие преступления.

Поэтому впредь согласно этому статуту обвиненные в сокрытии преступника и схожих преступлениях не могут быть объявлены вне закона, «пока не осужден тот, кто обвиняется как главный преступник, так, чтобы один закон действовал бы отныне по всей стране».

Укрывателями или скупщиками краденого и укрывателями преступников или подозреваемых в совершении фелонии. Они, как правило, делятся на две группы.

Первая группа укрывателей это группа лица, которые могли быть как членами банды разбойников или членами их семей, участвовавшими в планировании преступления, так и наводчиками преступников или другими соучастниками, уже совершившими хотя бы одно преступление до этого.

Со второй группой укрывателей ясности намного меньше, так как непрофессиональных преступников и укрывателей трудно уличить в умышленности того или иного деяния, которое помогло преступнику скрыться или сбыть краденое.

Таким образом, можно утверждать, что в средневековой Англии укрывательство являлось фелонией, так как оно считалось продолжением преступного деяния, которое квалифицировалось как фелония, а, следовательно, составной частью уже совершенной фелонии, несмотря на то, что укрывательство имело другой состав преступления.

Как видно история развития института соучастия не только отдельно взятой правовой семьи, но и каждого государства в отдельности уникальна и идет по своему пути развития. Институт соучастия каждой страны обладает своеобразием, национальным характером, в нем отразились различия в общественном и государственном устройстве, культуре традициях народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. / Ю.Г. Алексеев. - Л., 1980.
2. Алексеев, Ю.Г. Древнерусские княжеские уставы XI - XV вв. / Ю.Г. Алексеев // История СССР. - 1978. - № 2. - С. 208.
3. Амелин, Г. Государство и право Руси в период феодальной раздробленности (начало XII в. - начало XV в.): учеб. пособие для студентов ВЮЗИ / Г. Амелин. - М.: Изд-во Всесоюз. заочного ин-та, 1962. - 72 с.
4. Артеменко, Н.В. Проблемы уголовноправовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве РФ / Н.В. Артеменко, А.М. Минькова // Журнал российского права. - 2004. - № 11.
5. Беляев, И.Д. История русского законодательства / И.Д. Беляев - СПб.: Лань, 1999. - 640 с.
6. Беляев, И.Д. Лекции по истории русского законодательства / Беляев И.Д. - М., 1901. - 72 с.
7. Беляев, П.И. Источники древнерусских законодательных памятников / П.И.Беляев - М., 1899.
8. Богдановский, А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого / А. Богдановский - М., 1857.
9. Болтин, И. Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. / Болтин И. - СПб., 1792.
10. Владимирский-Буданов, М.Ф. Хрестоматия по истории русского права: Уставная книга Разбойного Приказа / М.Ф. Владимирский-Буданов. - Ярославль, 1875. - Вып. 3. - С. 61.
11. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права (издание 4-е с дополнениями) / М. Ф. Владимирский-Буданов. - Киев, 1905.
12. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. Изд-е 3-е, с дополнениями / М. Ф. Владимирский-Буданов. - Киев, 1900.

13. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. / М. Ф. Владимирский-Буданов. - Киев, 1915.
14. Владимирский-Буданов, М.Ф. Хрестоматия по истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. - Киев, 1899.
15. Гальперин, С.Д. Очерки первобытного права: Исследование / С. Д. Гальперин. Н.К. Мартынов. – СПб., 1893. - 304 с.
16. Греков, Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. / Б.Д Греков. – М., 1952. - Кн. I.
17. Грибовский, В.М. Древнерусское право. / В.М. Грибовский. - СПб., 1917. - Вып. 2.
18. Гутнова, Е. В. Вестминстерские статуты / Е. В. Гутнова. - М., 1948. – С. 60.
19. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка / под ред. проф. И. А. Бодуэна-дэ-Куртене. - М., 1909. - Т. 4. – 786 с.
20. Довнер, Л.Ж. Легенды Генриха / под ред. проф. Л.Ж. Довнер. – Оксфорд, 1927. – С. 181.
21. Дювернуа, Н.Л. Источники права и суд в Древней России / Н. Л. Дювернуа. - СПб., 1869.
22. Егоров, А. А. Эволюция категории «правонарушение» с IX по XVI вв. / А. А. Егоров // Актуальные проблемы российского права. - № 8. - 2016.
23. Загоскин, Н.П. История права Московского государства / Н. П. Загоскин. - Казань, 1877. - Т. 1.
24. Зимин, А.А. Правда Русская / А.А. Зимин. - М.: Древлехранилище, 1999. - 424 с.
25. Зимин, А.А. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.) / А.А. Зимин. - М., 1972.
26. Зимин, А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий/ А.А. Зимин. - М., 1982.
27. Иванов, Н.Г. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII-XV вв. / Н.Г. Иванов, М.М. Исаев. - М., 1948. - С. 137.

28. Иванов, Н.Г. Групповая преступность: содержание и вопросы законодательства регулирования / Н.Г. Иванов // Государство и право. - 1996.
29. Исаев, М.М. Уголовное право Киевской Руси / М.М. Исаев. - М.: Юридическое издательство Министерства юстиции, 1946. - С. 153-176.
30. Калачов, Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. 2-е изд. / Н. Калачов. - Спб.: Типо-литография А.Е. Ландау, 1880. - Вып. 1. - 263 с.
31. Калачов, Н. Тексты Русской Правды на основании четырех списков разных редакций / Н. Калачов. - Спб.: Типография императорской Академии наук, 1881. - 52 с.
32. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. - М.: Изд-во ЭКСМО, 2004. - 1024 с.
33. Карамзин, Н.М. История государства Российского. - М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1903. – Т. 2. - 148 с.
34. Ключевский, В.О. Сочинения. В 3 т. / В.О. Ключевский. - М.: Мысль, 1995. - Т. 1. - 572 с.
35. Ковалев, М. И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. - Свердловск, 1960. - Ч.1. - С. 46.
36. Кожевников, О.А. Юридическая ответственность в системе права / О.А. Кожевников. - Тольятти, 2003.
37. Колосовский, П. Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья: Опыт исследования по русскому праву / П. Колосовский. - М., 1857. - С. 77.
38. Кондрашкин, С.А. Преступление и наказание в Древней Руси / С.А. Кондрашкин, М.Ю. Неборский. - М.: Русский мир, 1999. - 224 с.
39. Кушнир, Д.Н. Развитие института соучастия в виде пособничества в России: от «Русской правды» до современного Уголовного кодекса / Д.Н. Кушнир. - М. : Вестник Владимирского юридического института. - 2011. - № 18. – С. 211.
40. Корецкий, В.М. Хрестоматия памятников феодального государства

и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. - М. 1961. - С 950.

41. Ланге, Н.И. Исследование об уголовном праве Русской Правды / Н.И. Ланге. - СПб., 1864. - С. 22.

42. Леонтович, Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство / Ф. Леонтович // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1868. - Том 1. - Вып. 3 - 4. - С. 27.

43. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. - СПб., 1871.

44. Любавский, М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века / М.К. Любавский. - М., 1915. - 312 с.

45. Мавродин, В.В. Образование древнерусского государства / В.В. Мавродин - Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. - 432 с.

46. Мавродин, В.В. Очерки по истории феодальной Руси / В.В. Мавродин - Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. - 204 с.

47. Максимейко, Н.А. Опыт критического исследования Русской Правды : краткая редакция. / Н.А. Максимейко. - Харьков. 1914. - Вып. 1. - С. 184.

48. Максимейко, Н.А. Речь по поводу Русской Правды / Н.А. Максимейко. - Харьков: Типография и литография М. Зильберг и сыновья, 1915. - 8 с.

49. Малиновский, И. Лекции по истории русского права / И. Малиновский. – Ростов - на - Дону.: Единение, 1918.- 488 с.

50. Мартысевич, И.Д. Псковская Судная грамота / И.Д. Мартысевич. - М.: Изд-во МГУ, 1951. - 208 с.

51. Мейчик, Д.М. Грамоты XIV и XV вв. / Д.М. Мейчик. - Московского архива Министерства юстиции. - М., 1883.

52. Момотов, В.В. Формирование русского средневекового права / В.В. Момотов. - М.: Зерцало-М, 2003. - 416 с.

53. Мрочек-Дроздовский, И.И. О древне-русских ябедниках (К вопросу об объяснении Русской Правды) / И.И. Мрочек-Дроздовский // ЧОИДР. - 1884. - Кн. 1.

54. Насонов, А.Н. История русского летописания XI в. - начала XVIII в. / А.Н. Насонов. - М.: Наука, 1969. - 556 с.
55. Орешников, А.С. К истории текста Русской Правды : Восточная Европа в древности и средневековье: сборник статей / А.С. Орешников. - М., 1978. - С. 154-155.
56. Оршанский, И.Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. / И.Г. Оршанский. - Спб.: Типография А. Е. Ландау, 1879. - 456 с.
57. Оспенников, Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв. / Ю.В. Оспенников. - М., 2007.
58. Памятники русского права. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. - М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. - Вып. 1. - 287 с.
59. Петрушевский, Д.М. Памятники истории Англии XI-XIII вв. / Д.М. Петрушевский. - М., 1936. - С 238.
60. Покровский, М. Русская история / М. Покровский. - М. : Государственное издательство, 1923. - 251 с.
61. Попов, А. Русская Правда в отношении к уголовному праву / А. Попов. - М. : Университетская типография, 1841. - 124 с.
62. Попрядухина, И.В. Правонарушения и юридическая ответственность по судебнику 1497 года: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / И.В. Попрядухина -Тольятти, 2012. - 169 с.
63. Греков, Б.Д. Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1947. - Т. 2. - 864 с.
64. Прозументов, Л.М. Криминалогия (Общая часть) / Л.М. Прозументов. - Томск: Томский филиал ФСИН России, 2007. – С 238.
65. Радин, И.М. История русского права / И.М. Радин. - СПб., 1910.
66. Рассказов, Л.П. Упоров И.В. Развитие уголовного и уголовно-исполнительное законодательства в России: учебное пособие / Л.П. Рассказов. - Краснодар, Краснодарский юридический институт МВД России, 2000. - 207 с.

67. Рогов, В.А. Проблемы истории русского уголовного права, XV - середина XVII вв. : автореферат дис. ... док. юрид. наук / В.А. Рогов. - М., 1999. - С 29.
68. Российское законодательство X - XX веков. В девяти томах. / под общ. ред. О.И. Чистякова. - М.: Юридическая литература, 1985. - Т. 1.
69. Российское законодательство X - XX веков. В девяти томах. под общ. ред. О.И. Чистякова. - М.: Юридическая литература, 1985. - Т. 3.
70. Российское законодательство X-XX вв. Правда Русская: учеб. пособие / под. ред. Б.Д. Греков. - М.; 1940. - Т. 1. - С. 61.
71. Самоквасов, Д.Я. Древнее русское право / Д.Я. Самоквасов. - М., 1903.
72. Свердлов, М.Б. От Закона Русского к Русской Правде / М.Б. Свердлов. - М., 1988. - С. 89.
73. Сергеевич, В.И Русские юридические древности / В.И Сергеевич. – СПб., 1902. - Т I.
74. Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. - М. - С. 348.
75. Соловьев, С. История России с древнейших времен / С. Соловьев. - М.: Университетская типография, 1874. - Т. 1. - 360 с.
76. Судебник 1497 года: источники права / под ред. Р.Л. Хачатурова. Вып. 5. - Тольятти: Изд-во ТолПИ, 1997. - 220 с.
77. Судебник 1497 года : Российское законодательство / под ред. О.И. Чистякова. - М.: Юрид. лит., 1985. - Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства - 520 с.
78. Сухов, А.А. Историческая характеристика древнерусского уголовного права до XVII столетия / А.А. Сухов // Юридический вестник. – М., 1874.
79. Таганцев, Н.С. О преступлении против жизни по русскому праву / Н.С. Таганцев. - СПб.: Типография Мордуховского, 1873. - 422 с.
80. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право / Н.С Таганцев. - Тула,

2001. - Т. 1.

81. Тальберг, Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж) / Д. Тальберг. - СПб., 1880. - С. 73.

82. Татищев, В.Н. Русская Правда: предъизвещение и примечания Продолжение древней российской вивлиофики / В.Н. Татищева. - СПб., 1876. - Т. 1.

83. Титов, Ю.П. История государства и права России: учебник / под ред. Ю.П. Титова. - М., 2000. - 544 с.

84. Тихомиров, М.Н. Древняя Русь / М.Н. Тихомиров - М.: Наука, 1975. - 398 с.

85. Тихомиров, М.Н. Исследование о Русской Правде / М.Н. Тихомиров. - М., 1941.

86. Тихомиров, М.Н. Пособие для изучения Русской Правды / М.Н. Тихомиров. - М.: Изд-во МГУ, 1953.- 192 с.

87. Трайнин, А.Н. Учение о соучастии / А.Н. Трайнин. - М.: Буквица, 2006. - С. 109.

88. Уставная Онежская грамота 1536 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. - СПб., 1836. - Т.1. №181. - С. 153.

89. Фёдорова, А.Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде / А.Н. Фёдорова. - Тольятти, 2004.

90. Филиппов, А.Н. Учебник истории русского права / А.Н. Филиппов. - Юрьев, 1914.

91. Фроянов, И.Я. Начало христианства на Руси / И.Я. Фроянов. – Ижевск, : Удмуртский университет. - С. 111.

92. Фроянов, И.Я. Рабство и данничество у восточных славян / И.Я. Фроянов. - СПб., 1996. - С. 140.

93. Хатунов, С.Ю. Преступление и наказание в средневековой Англии / С.Ю. Хатунов. - М. : Компания Спутник+, 2003. - 322 с

94. Хатунов, С.Ю. Укрывательство как уголовное преступление в средневековой Англии / С.Ю. Хатунов. // - М. : Право и государство, 2010. - № 3.

- С. 127.

95. Хачатуров, Р.Л. Источники права / Р.Л. Хачатуров. - Тольятти: Изд-во ТолПИ, 1997. - Вып. 3. - 90 с.

96. Хачатуров, Р.Л. Источники права / Р.Л. Хачатуров. - Тольятти: Изд-во ТолПИ, 1997. - Вып. 5. - 220 с.

97. Хачатуров, Р.Л. Русская Правда / Р.Л. Хачатуров. - Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2002. - 160 с.

98. Хачатуров, Р.Л. Становление права (на материале Киевской Руси) / Р.Л. Хачатуров. - Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1988. - 264 с.

99. Хачатуров, Р.Л. Юридическая ответственность / Р.Л. Хачатуров, Г.Р. Ягутян. - Тольятти: Изд-во МАБиБД, 1995. - 200 с.

100. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век. - М., 1998. - С. 40.

101. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век. - М., 1998. - С. 40.

102. Чебышев-Дмитриев, А.П. «О преступном действии по русскому допетровскому праву» / А.П. Чебышев-Дмитриев. – Казань. : Тип. Ун-та. 1862. - С 242.

103. Чельцов-Бебутов, М.А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. - М. : Юрид. лит, 1957. - 839 с.

104. Черепанова, Е.В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп: дисс. .канд. юрид. наук / Е.В. Черепанова - М., 2009.

105. Черепнин, Л.В. Русская Правда и новгородские берестяные грамоты / Л.В. Черепнин // Вопросы истории. 1969. - № 2. - С. 57 - 72.

106. Шпилевский, С.М. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I / С.М. Шпилевский // Ученые записки Казанского университета. Вып. 2. - Казань, 1862.

107. Штамм, С.И. Судебник 1497 года: учеб. пособие. / С.И. Штамм -

М. : Госюриздат, 1955. - 112 с

108. Щапов, Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв / Я. Н. Щапов. - М., 1927. - С.276.

109. Щапов, Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв / Я.Н. Щапов. - М. : Наука, 1989. - 232 с.

110. Щербатов, М. История российская от древнейших времен / М. Щербатов. - Спб.: Императорская Академия наук, 1770. - 374 с.

111. Юшков, С.В. Памятники русского права: в 8 вып. : Памятники права Киевского государства X—XI вв. / под ред. С.В. Юшкова. - М., 1952. - Вып. 1: - С. 8.

112. Юшкевич, А.П. О некоторых статьях Правды Русской / А.П. Юшкевич. - М.: Изд-во Академии наук СССР. 1949. - Т. 2. - С. 564-566.

113. Юшков, С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С.В. Юшков. - М., 1949. - С.483.

114. Юшков, С.В. Русская Правда / С.В. Юшков - М., 1950.

115. Яровой, А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями, совершаемыми организованными группами: дисс. ... канд. юрид. наук / А.А. Яровой /. - Краснодар, 2000.